
ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

8 МАРТА

ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ УЛЫБОК, ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ ДЕВУШЕК — МОЛОДЕЖНАЯ СМЕНА ЩЕКИНСКОГО ЗАВОДА СИНТЕТИЧЕСКОГО ВОЛОКНА.

Девять Валентин, семь Галин, пять Лид, три Наташи, две Тамары, Иры, Нины, Веры, Марии, Людмилы...

Средний возраст — едва за двадцать. А завод их и вовсе молод — ему нет и года. Еще пустовато в огромных цехах, только пускают линии станков. Но первая объемная пряжа, первый «эластик», сделанный в Щекине, уже поступил на ткацкие фабрики и в магазины. А капроновый корд — на шинные заводы страны. Новая, с капроновой подкладкой обувь для автомашин намного долговечнее старой. Эти девушки приехали сюда из Рустави и Костромы, Балакова и Сумгаита, Архангельска и Ясной Поляны, которая находится совсем недалеко от здешних мест. Но сегодня они жители молодого города химиков.

Весенний, веселый праздник 8 Марта они впервые встречают вместе.

Смотрите в номере репортаж наших специальных корреспондентов «Без чудес».

С ПРАЗ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 10 (2279)

6 МАРТА 1971

ДНИКОМ!

Плакат В. ЧУМАКОВА. Издательство «Изобразительное искусство».

ПО
П

Электричка летела стремительно, вагон был полон, его покачивало. Какой-то парень в дорогом свитере и лыжных ботинках читал смятую газету, а напротив него сидела худая, аккуратная и какая-то вся очень светленькая деревенская старушка. На коленях она держала туго набитую клеенчатую сумку и глядела в окно.

Там, за окном, мелькали редкие пригородные перелески, заснеженные поля. Поля были от заходящего солнца уже синеватыми, но проселочные дороги еще розовато отсвечивали.

— Что там, в газетках-то, сынок? — неожиданно спросила старушка.— Все воюют эти, как их... американцы?

— Воюют, бабушка.

— И что люди делят? — вздохнула старушка.

Парень лишь улыбнулся.

Электричка шла уже окраиной Москвы, старушка опять глядела в окно на громады домов, транспортные эстакады, на заводские корпуса и людные улицы. А я все сидел и думал над ее простовато-наивным вопросом: «И что люди делят?» Спрос со старой деревенской женщины, конечно, невелик, от нее нечего требовать научного анализа сложнейших социально-нравственных процессов, происходящих в человеческом обществе, ответа о причинах возникновения непримиримых классовых противоречий. Но ведь и такой ее вопрос заключает зерно для немалых размышлений.

Планета наша относительно невелика, она давно сотрясается от социальных битв. То бескровные, то кровавые, они ведутся постоянно. Впрочем, во многовековой истории Земли вряд ли можно выбрать хоть десятилетие, в течение которого люди жили бы без войны, когда ни в одном уголке планеты не лилась бы человеческая кровь.

«Что люди делят?» На этот упрощенный вопрос можно просто и ответить. Одни борются за национальную свободу, за социальную справедливость, за человеческое равенство и нормальную человеческую жизнь. А другие по праву денежного мешка присваивают себе роль «хозяев жизни», пытаются безжалостно придавить сапогом естественные и благородные человеческие устремления, превратить всех людей планеты без различия наций и рас в покорное, рабье стадо, подвластное небольшой кучке избранных мира сего...

Мы живем в эпоху непримиримой, смертельной борьбы добра со злом, света с тьмой, разума с безумием. Решительная схватка этих двух полярных сил состоялась 53 года назад, в легендарном 1917-м! Неузнаваемо с тех пор изменилась жизнь в нашей стране. Отстаивая свою революцию — величайшую в революциях всех времен! — советским людям пришлось

СТУПЬ ОБЕДНАЯ

Анатолий **ИВАНОВ**

хватить и холодного и горячего, многим выпала судьба героически лечь в землю. Но жизнь продолжалась, советский народ, руководимый партией коммунистов, неизменно брал новые высоты, строил города и заводы, воздвигал невиданные плотины на реках и создавал свое прекрасное искусство. И та старушка из электрички судя по всему тоже не была от всего этого в стороне. Я видел ее сухонькие, жилистые, уставшие от бесконечной работы руки. Ими она жала хлеб в суровые военные годы, копала картошку, сажала и убирала овощи... Ими вынянчила детей, из которых кто-то, возможно, насмерть стоял под стенами Москвы или Смоленска, а может быть, и лег там... Я видел, какими добрыми, умными, только чуточку грустными глазами смотрела она на проплывающие за окном вагона трубы заводов, на одном из которых, возможно, трудится сейчас ее сын или дочь, на московские улицы, полные счастливых людей. И я вдруг понял ее вздох, понял, почему она произнесла: «И что люди делят?» Ей, всю жизнь проведшей в нелегком труде и обеспечившей себе этим трудом, в общем, спокойную старость, ей, привыкшей слышать детский смех на улицах, видеть и маленькое свое село и большую Москву населенными счастливыми людьми, просто трудно понять, что это кому-то мешает, что кто-то замышляет вытоптать цветы в садах и парках, загнать детей в газовые камеры, залить асфальты городских проспектов и чистые деревенские улицы человеческой кровью...

Пусть все это понять ей трудно, спрос с этой старой женщины, повторяю, невелик. Но парень-то, читавший газету, как и миллионы других таких же обыкновенных парней и девчат, как наш советский народ в целом, понимает, что мы живем в суровое и трудное время, что борьба за свое освобождение, начатая пятьдесят три года назад, не окончилась, что баррикады до сих пор стоят друг против друга и там, где они соприкасаются, струится пороховой дымок...

Я вспомнил ту старушку из электрички и свои мысли по поводу ее вопроса вот сейчас, читая Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. Это наша девятая экономическая пятилетка, девятый этап нашего грандиозного хозяйственного строительства. Горизонты этого очередного плана развития народного хозяйства, строго разработанного Коммунистической партией на подлинно научной основе, необозримы, масштабы нашего строительства даже мысленно невозможно себе и представить. Что это такое — «увеличить производство промышленной продукции за пятилетие на 42—46 процентов»? Это значит, через пять лет — всего через пять лет! — страна будет производить почти в полтора раза больше станков, машин, различных товаров. А это, в свою очередь, значит, что будут построены тысячи и тысячи новых фабрик, заводов, различных предприятий, значительно возрастет производительность труда. Что значит «увеличить среднегодовой объем производства сельскохозяйственной продукции по сравнению с предшествующим пятилетием на 20—22 процента»? Это новые миллиарды пудов зерна, новые миллионы пудов мяса...

В первую пятилетку, к 1933 году, наш народ, руководимый славной своей Коммунистической партией, только заложил и создал основу сегодняшней индустриальной мощи страны, а в области сельского хозяйства только-только превратил СССР из страны мелкокрестьянской и отсталой в страну крупного сельского хозяйства. Почти 40 процентов крестьян тогда вело еще единоличное хозяйство, но партия справедливо рассматривала первую пятилетку как пятилетку коллективизации. В течение нескольких лет партия сумела организовать более 200 000 колхозов и около 5 000 совхозов.

Теперь, через неполных 40 лет, партия ставит задачу: в 1975 году довести выплавку стали до 142—150 миллионов тонн, производство электроэнергии — до 1.030—1.070 миллиардов киловатт-часов; среднегодовой валовой сбор зерна за пятилетие обеспечить не менее чем 195 миллионов тонн, мяса в убойном весе до 14,3 миллиона тонн...

Вдумайтесь в эти астрономические цифры — и станет ясным тот гигантский путь, который всего за несколько десятилетий прошли наши промышленность и сельское хозяйство, почувствуются те высоты, которых достигла наша социалистическая экономика, организованная на новых принципах и началах, за такое короткое время.

В этих новых принципах и началах — секрет такого стремительного развития всей нашей экономики, или, как мы по праву привыкли говорить, народного хозяйства. Народное хозяйство! В самом названии заложены суть, смысл и цель нашей экономики. Если в капиталистических странах промышленный и сельскохозяйственный потенциал служит дальнейшему обогащению небольшой кучки людей, то у нас — повышению благосостояния всего народа. Посмотрите, что говорится в седьмом разделе Директив, так и озаглавленном: «Повышение уровня жизни народа»:

«Повысить за пятилетие реальные доходы в расчете на душу населения примерно на 30 процентов... Повысить среднюю заработную плату рабочих и служащих на 20—22 процента, оплату труда колхозников в общественном хозяйстве колхозов в среднем на 30—35 процентов...» Увеличить за пятилетие объем бесплатных материальных благ и услуг, а также денежных выплат населению из общественных фондов потребления на 40 процентов...

Мы иногда брюзжим на нехватки товаров, на их не всегда высокое качество, на трудности с жильем. Что ж, недостатки еще есть в нашей жизни. Но очевидно, как день, и другое — партия делает все, чтобы как можно полнее обеспечить потребности и запросы народа. В Директивах новой пятилетки предусмотрено и улучшение качества товаров, и увеличение розничного товарооборота в 1,4 раза, и сооружение жилых домов общей площадью 565—575 миллионов квадратных метров, и меры по дальнейшему улучшению здравоохранения, развитию народного образования и социалистической культуры и т. д. И жизнь наша год от года, от пятилетки к пятилетке становится все зажиточнее. Жизнь не какой-то группы людей, а всего народа!

И вот теперь вернемся к бесхитростному вопросу той старушки из пригородной электрички, обеспокоенной, как и все мы, тем, что мировой империализм, возглавляемый американскими толстосумами, ведет варварскую войну во Вьетнаме, угрожает ядерной расправой всему миру. Правильней той старушке было бы спросить, не «что люди делят», а против кого и против чего ведет мировой империализм варварскую, кровавую войну. Она, собственно, об этом и спросила, только сформулировала свой вопрос по-своему.

Мы знаем: враги мира и человечества ведут войну не просто против Вьетнама, не просто против народов, борющихся за свое национальное освобождение. Мировой империализм сейчас объединил свои усилия в жестокой борьбе против великих идей коммунизма и социализма, против торжества Света и Разума, против человеческого счастья. Глашатаем этих благородных идей, страной, показывающей, как надо их воплощать в жизнь, на практике, является СССР. Поэтому мировой империализм ведет сейчас войну прежде всего против нашей великой страны.

Однако существует на Востоке одна старая народная пословица: собака лает, а караван идет.

Наш социалистический «караван» не просто идет — движение его к полному торжеству великих коммунистических идей настолько стремительное, что дух захватывает. И оно все убыстряется. Ярчайшее свидетельство тому — Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

Победная поступь нашей страны, показывающей пример всем народам, угнетенным пока еще капиталистическим рабством, неодолима. Наша великая революция, начатая 53 года назад, успешно продолжается.

«СОВЕТСКИЕ КОММУНИСТЫ ВЫСОКО ЦЕНЯТ ТО, ЧТО КОММУНИСТЫ ФРАНЦИИ ВСЕГДА ВЫСТУПАЛИ И ВЫСТУПАЮТ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ НАШИМИ ПАРТИЯМИ, МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ, ДАЮТ РЕШИТЕЛЬНЫЙ ОТПОР ЛЮБЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ АНТИСОВЕТИЗМА».

Из приветствия ЦК КПСС Центральному Комитету Французской коммунистической партии по случаю ее 50-летия.

Ги БЕСС,
член Политбюро Французской коммунистической партии

ЕДИНСТВО КОММУНИСТОВ

В основе братских отношений между КПСС и ФКП лежат общность интересов и совпадение взглядов по проблемам международного коммунистического движения. Нас объединяет верность марксизму-ленинизму, верность интересам рабочего класса и наших народов.

Именно такой подход обеспечил успех международного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в 1969 году. Обе наши партии совместно с другими братскими партиями работали над созывом и подготовкой этого Совещания. Большое значение имела повестка дня. Внесение в нее в качестве основного вопроса о борьбе против империализма позволило провести плодотворную дискуссию. Каждая партия, опираясь на свой национальный опыт, вносила вклад в дискуссию, в результате которой были приняты важные документы. ФКП высоко оценила итоги Совещания, которое укрепило связи между братскими партиями, определило базу и перспективу общих действий.

Политика пролетарского интернационализма — компас ФКП. Наша партия неустанно выступала против создания НАТО и гонки вооружений. Мы требовали отказа Франции от участия в этом агрессивном блоке, направленном прежде всего против Советского Союза — главного бастиона мировых революционных сил. И если Франция вышла из военной организации НАТО, то немалая заслуга в этом принадлежит нашей партии. Кто, как не коммунисты, повседневно и убедительно разоблачает выдумки об «агрессивных намерениях» Советского Союза!

Братские отношения между КПСС и ФКП возникли еще до того, как сформировалась Французская коммунистическая партия. Это звучит парадоксально, но это именно так. Поясню свою мысль.

Наша партия возникла на базе движения, зародившегося внутри социалистической партии (СФИО). Как только началась первая мировая война, правые лидеры СФИО, изменив делу рабочего класса, перешли на позиции соглашательства с империалистической буржуазией. Уже тогда многим активистам СФИО стало понятно, что партия сбилась с правильного пути, но ясности в том, как вывести ее с оппортунистических позиций, не было.

Свет забрезжил, когда в России свершилась Октябрьская революция. Ленин уверенно указал выход всем, кто остался верен делу рабочего класса: разрыв с оппортунизмом и переход на позиции III Интернационала. Развитием событий пролетариат Франции был поставлен перед необходимостью создания новой партии, партии ленинского типа. В этот момент Ленин оказал нам неоценимую братскую помощь.

Марсель Кашен и другие сторонники присоединения к III Интернационалу полагали, что новую партию нужно создавать не в разрыве со СФИО, а на ее основе, опираясь на ее революционные силы. Когда Кашен встретился с Лениным и высказал ему свои мысли, Владимир Ильич полностью поддержал эту идею. Ленин поступил так потому, что он хорошо знал положение в рабочем движении Франции, соотношение сил внутри СФИО и считал, что в ней преобладают здоровые силы, подлинные наследники революционных традиций французского народа. Поддержка Ленина во многом содействовала победе на Турском съезде 1920 года революционного большинства СФИО, создавшего Французскую коммунистическую партию.

На протяжении многих последующих лет отношения между нашими партиями развивались в рамках III Интернационала. Роль, сыгранная этим союзом коммунистов, общеизвестна. Он помог молодым коммунистическим партиям, в том числе и нашей, сделать первые шаги, помог освоить тактику и стратегию революционной борьбы на основе научной теории. Вступившая в пору своей зрелости под руководством Мориса Тореза, ФКП постоянно ощущала братскую поддержку большевистской партии во всех случаях, когда нам приходилось трудно.

Так было в 1925—1926 годах, когда ФКП развернула борьбу против колониальной войны в Марокко. Наша партия была первой политической партией Франции, выступившей против колониализма.

Братскую помощь большевистской партии мы ощущали и в трудные годы борьбы против фашистской угрозы. Когда крупная буржуазия, чтобы спасти свою власть, решила опереться на фашизм, перед нами возникла задача сплотить все силы, готовые преградить ему дорогу. Тактика Единого рабочего фронта, который мы создали в 1934 году, и тактика Народного фронта, сложившегося к 1936 году, обеспечили победу антифашистских сил в нашей стране. Фашизм во Франции не прошел.

Советский народ воспринял нашу победу, как свою собственную. В то время Советский Союз находился во враждебном окружении, и фашизм представлял для первой в мире социалистической страны прямую угрозу. Поражение фашизма в любой из стран Западной Европы укрепляло позиции социализма. В борьбе против фашизма советские и французские коммунисты всегда были вместе.

Наша партия бескомпромиссно разоблачала империалистических политиков Англии и Франции, которые в Мюнхене предали Чехословакию, а вину пытались свалить на Советский Союз, утверждая, будто он уклонялся от выполнения союзнических обязательств, вытекающих из франко-советского и советско-чехословацкого договоров. Мы разъясняли нашему народу значение договора о ненападении, заключенного между Советским Союзом и Германией. Разъясняли, что именно творцы мюнхенской политики, стремясь изолировать Советский Союз, поставили его в такое положение, когда договор с Германией был для СССР единственно правильным решением. Он опрокинул расчеты на изоляцию Советской страны, позволил ей выиграть время, чтобы укрепить свои военные позиции. Нам пришлось вести эту разъяснительную работу в чрезвычайно трудных условиях, так как ФКП была в то время объявлена вне закона. Сам я именно тогда и стал коммунистом. В своей биографии, написанной при вступлении в партию, я счел нужным подчеркнуть, что понимаю значение советско-германского договора и полностью его одобряю.

В тяжелые годы оккупации Франции советские товарищи сражались на французской земле бок о бок с активистами нашей партии. Авторитет ФКП после освобождения неизмеримо вырос. Не только потому, что мы были во главе движения Сопротивления, но и потому, что решающую роль в разгроме агрессивных сил фашизма, поработившего почти всю Европу, сыграл советский народ под руководством Коммунистической партии.

ФКП придает большое значение обмену опытом работы с КПСС. Мы рады приветствовать делегации КПСС во Франции. Французским коммунистам приятно видеть, с каким интересом представители КПСС знакомятся с нашей работой. Это пример конкретного сотрудничества двух партий.

Французские коммунисты с большим интересом ожидают открытия очередного, XXIV съезда КПСС. Несомненно, это будет событие, далеко выходящее за рамки вашей страны. Каждый съезд КПСС предвещает новые свершения, а каждый ваш успех—большое подспорье для коммунистов всех стран, тех, кто борется за смену капиталистического строя социалистическим. Я позволю себе выразить уверенность, что и XXIV съезд КПСС ознаменуется новыми важными решениями, которые ускорят движение Советского Союза на пути к коммунизму.

АПН специально для «Огонька».

Москва, Большой театр Союза ССР. Герой Социалистического Труда Н. С. Тихонов открывает торжественный вечер, посвященный столетию со дня рождения Леси Украинки.

Фото А. Устинова.

ВЕЛИКАЯ ДОЧЬ УКРАИНСКОГО НАРОДА

Страна широко отметила столетие со дня рождения великой украинской поэтессы и общественной деятельницы Леси Украинки. На торжественном заседании в Большом театре Союза ССР присутствовали товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев. В числе гостей — правительственная делегация Украинской ССР во главе с секретарем ЦК КП Украины Ф. Д. Овчаренко.

Словом о Лесе Украинке открыл торжественное заседание Герой Социалистического Труда Николай Тихонов. На заседании выступили поэт-академик Микола Бажан, секретарь правления Московской писательской организации Сергей Наровчатов, секретарь правления Союза писателей РСФСР Людмила Татьяничева, грузинская поэтесса Марика Бараташвили, секретарь правления Союза писателей Белоруссии Иван Шамякин, студентка Луцкого педагогического института имени Л. Украинки Леся Гудим, народная поэтесса Дагестана Фазу Алиева, руководитель делегации Украинской ССР, секретарь ЦК КП Украины Ф. Д. Овчаренко. От имени Центрального Комитета Компартии Украины, правительства республики Ф. Д. Овчаренко передал участникам торжественного заседания и в их лице всем москвичам большую, сердечную благодарность за этот торжественный вечер.

Большим концертом мастеров искусств Украины и Москвы закончился вечер, посвященный великой дочери украинского народа.

В родных местах Леси Украинки. Село Колодяжное на Волыни. Вечер в клубе колхоза имени Леси Украинки.

Фото Н. Козловского.

В ЦЕНТРЕ ВНИМА

ОПЛОТ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

Ц. НАМСАРАЙ,

член Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии, главный редактор газеты «Унэн», органа ЦК МНРП

Весь мир облетела весть об огромных успехах великого советского народа — строителя коммунизма, достигнутых за годы восьмой пятилетки, и о проекте Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. Эти выдающиеся успехи и еще более грандиозные перспективы развития Советского Союза вызывают восхищение у всего прогрессивного человечества и всех сил, борющихся за мир, демократию, социализм, против империалистической агрессии и войны.

Уверенная поступь Страны Советов еще больше вдохновляет все народы стран социалистического содружества на самоотверженный труд во имя строительства социализма и коммунизма, во имя всеобщего мира.

Коммунисты и трудящиеся МНР, строящие социализм в своей стране при братской, все возрастающей помощи великого Советского Союза, с огромным вниманием знакомятся с этим историческим документом, в котором находит яркое воплощение высокая цель Ленинской Коммунистической партии Советского Союза, выражающей коренные интересы советского народа.

В проекте Директив предусмотрено при высоком росте реальных доходов населения, заработной платы рабочих и служащих, оплаты труда колхозников и росте общественных фондов потребления не только сохранение стабильности государственных розничных цен, но и снижение цен на отдельные товары.

В целях улучшения размещения производительных сил выдвигается задача дальнейшего ускорения освоения природных ресурсов и наращивания экономического потенциала восточных районов страны.

Великий советский народ под руководством своей родной ленинской партии успешно строит коммунизм, укрепляя экономическое могущество и обороноспособность своей Родины. Этим он выполняет и свой интернациональный долг, ибо рост экономической мощи первой в мире социалистической страны — Советского Союза еще больше будет способствовать дальнейшему укреплению сил стран социалистического содруже-

МАЯК НАДЕЖДЫ

Доктор Б. НАТАРАДЖАН,

директор Индийского института технико-экономических исследований

Проект Директив по девятому пятилетнему плану СССР — вдохновляющий и одновременно реалистический документ. Перевыполнив предыдущую пятилетку по всем основным экономическим показателям, Советский Союз стоит накануне новых, еще более великих достижений.

Исключительно важной чертой проекта Директив, по моему мнению, является подчеркнутое в них стремление добиваться сбалансированного развития различных районов страны. Характерно, что не предусматривается строительство новых промышленных предприятий в крупных городских центрах. В то же время намечены грандиозные программы развития таких районов, как Сибирь, Казахстан, Средняя Азия. Все это, несомненно, позволит добиться более равномерного распределения производительных сил, что составит прочную основу для окончательного преодоления различий в уровне экономического развития как между отдельными районами, так и между городом и деревней.

На меня особенно большое впечатление произвело также то, что увеличение промышленного производства намечается достичь главным образом путем повышения производительности труда. Иными словами, предусматривается достижение высоких экономических результатов прежде всего за счет осуществления качественных изменений в планировании, управлении, применении научно-технических достижений. На мой взгляд, это — самое выдающееся достоинство проекта Директив по новому пятилетнему плану. Оно имеет огромное принципиальное значение для развивающихся стран, которые испытывают острый недостаток в капитальных ресурсах. В этой связи я не могу не упомянуть и о том, что проект Директив предусматривает дальнейшее углубление и расширение экономических связей Советского Союза с социалистическими странами, а также с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки. Читая проект Директив, убеждаешься, что укрепление экономической независимости развивающихся стран является неотъемлемой чертой политики СССР на международной арене. Достаточно упомянуть, что предусмат-

РАДЫ ВАШИМ УСПЕХАМ

Наши корреспонденты Александр Логинов и Юрий Родионов встретились с представителями ряда зарубежных стран, гостящих в Москве, и попросили их прокомментировать проект Директив XXIV съезда КПСС.

Ричард АНДРИАМАНЖАТО,

президент муниципального совета Тананариве, депутат Национальной ассамблеи Малагасийской республики

Необходимо подчеркнуть, что помощь Советского Союза развивающимся странам неоценима. И я уверен, что, хотя между нашими двумя странами пока еще нет дипломатических отношений, успехи СССР заставят наше правительство подумать об установлении более тесных и дружественных отношений с социалистическими странами.

Империалистическая пропаганда концентрирует свое внимание лишь на трудностях, с которыми приходится сталкиваться социалистической экономике, преднамеренно забывая об успехах стран социализма. Но грандиозный план развития СССР в следующие пять лет, основанный на успешном выполнении и перевыполнении всех предыдущих планов, поможет нам не только противостоять буржуазной пропаганде, но и вскрыть всю ее необоснованность и тенденциозность.

Для меня Советский Союз является большим другом. Я не раз бывал в вашей стране и очень хорошо успел узнать ваш великий народ. И я уверен, что новый пятилетний план будет не только выполнен, но и перевыполнен. Я делал и делаю все возможное ради установления отношений между нашими странами. Когда я вернусь на родину, проведу пресс-конференцию, где расскажу о новых задачах советского народа и их огромном мировом значении.

●

МИШЕЛЬ де РУССЕН,

французский журналист

Говоря о подготовке к XXIV съезду КПСС, я хочу отметить, что этот процесс, основанный на принципах демократического центра-

ства, сплочению всех прогрессивных и миролюбивых сил, совершенствованию и расширению экономических и научно-технических связей и дальнейшему укреплению последовательной экономической интеграции хозяйств стран — членов СЭВ.

В этом состоит всемирно-историческое значение новой, девятой пятилетки Страны Советов. Осуществление таких грандиозных планов развития народного хозяйства, культуры, науки, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и повышения благосостояния народа под силу только такой стране, как Советский Союз, являющейся надежным оплотом мира и безопасности народов.

Улан-Батор, по телефону.

ривается увеличение объема внешнеторгового оборота на 33—35 процентов, развитие и совершенствование взаимовыгодных внешнеэкономических отношений Советского Союза с государствами третьего мира.

С этой точки зрения будущий девятый пятилетний план СССР приобретет огромное международное значение. Методы развития экономики и благородные цели, которые этот план поставит перед советскими людьми, сделают его истинным маяком радости и надежды для народов развивающихся стран.

Мадрас. Организовано и передано по телефону «Огоньку» корреспондентом «Правды» в Индии А. Масленниковым.

лизма, является наглядной демонстрацией политической зрелости советского народа, показателем того, что Советская страна — самая демократическая в мире. В подготовку и обсуждение плана на новый период развития экономики вовлекаются самые широкие массы трудящихся, весь трудовой народ вашей страны непосредственно участвует в выработке исторических решений. Это то, чего не встретишь ни в одной капиталистической стране.

На данном этапе развития международных отношений сотрудничество между СССР и Францией складывается весьма благоприятным образом. Ускорение темпов прогресса в области науки и техники должно привести к дальнейшему расширению связей на основе научно-технического сотрудничества между нашими странами. Глядя на успехи Советского Союза, трудовой народ Франции выступает за дальнейшее его развитие, ибо это выгодно как вашей, так и нашей стране.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

США: СТАВКА НА АГРЕССИЮ

Всеволод ОВЧИННИКОВ

Уже не раз бывало, что, увязнув в одной авантюре, американская военщина пытается выйти из положения, затевая другую.

Более месяца, как двадцать тысяч южновьетнамских солдат при поддержке двух тысяч американских самолетов и вертолетов безуспешно топчутся в Лаосе на дороге № 9. Разгромлено пять сайгонских батальонов, уничтожено более трехсот военных машин, интервенты потеряли 270 самолетов и вертолетов. Но чем отчаяннее становится для интервентов обстановка в Лаосе, тем больше шумят они о проведении подобной же операции против ДРВ. Президент Никсон публично отказался исключить возможность такого вторжения, а главарь сайгонской клики Тхиеу заявил, что осуществление его — «лишь вопрос времени».

Посягательство на суверенитет одной страны и шантаж в адрес другой сопровождаются попытками обмануть мировую общественность пропагандистскими увертками.

Ложь первая. Вашингтон, дескать, нельзя упрекать в эскалации. Ведь расширение масштабов войны в Индокитае сопровождается, мол, сокращением непосредственного участия американских солдат в боевых действиях. Вооруженные силы США принимают якобы только «ограниченное участие» во вторжении в Лаос, то есть обеспечивают лишь огневую и тыловую поддержку южновьетнамских войск.

Если к роли непосредственного исполнителя пентагоновских планов в Лаосе привлечены войска сайгонского марионеточного режима, это вовсе не означает, что правящие круги США могут считать себя непричастными к этой преступной авантюре. Авиация и артиллерия США изо дня в день обрушивают на лаосскую землю тысячи бомб и снарядов.

Массированные налеты и обстрелы, применение артиллерии и авиации против суверенного государства столь же преступны, как вторжение сухопутных войск. И тщетны попытки обмануть мировую общественность домыслами о каком-то «ограниченном участии» США.

Ложь вторая. Вашингтон, дескать, нельзя упрекать в эскалации, поскольку действия его мотивируются необходимостью, во-первых, соблюсти намеченный график вывода из Южного Вьетнама американских войск, а во-вторых, обеспечить безопасность остающихся.

«Если, как всячески подчеркивает Никсон, «вылазка в Лаос» имеет главной целью «обеспечить условия для вывода американских войск, сократить потери и сроки войны», то об этом, безусловно, можно было бы договориться с Ханоем и Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама»,— резонно замечает американский обозреватель Джеймс Рестон.

Факты свидетельствуют, что демагогическими рассуждениями о «защите жизней американских солдат» Вашингтон цинично спекулирует всякий раз, когда он делает очередную отчаянную ставку на расширение агрессии. Подобного предлога оказалось достаточно, чтобы вопреки решению конгресса послать войска в Камбоджу и, растоптав подписанные Соединенными Штатами Женевские соглашения, вторгнуться в Лаос. Под этим же предлогом на пресс-конференции 17 февраля Никсон недвусмысленно грозил возобновить массированные налеты американской авиации на ДРВ.

Оправдывать агрессию «обеспечением безопасности» интервентов, ранее вторгшихся в другую, соседнюю страну, значит подменять международное право беззаконием. Если следовать подобной логике, в мире воцарился бы полный произвол.

Нельзя не видеть, что разговоры о «защите жизней американских солдат» — лишь маскировка. По мнению газеты «Вашингтон ивнинг стар», на новые авантюры в Индокитае Никсона толкает прежде всего боязнь, что патриоты приурочат свое генеральное наступление в Южном Вьетнаме не к нынешней, а к следующей весне, то есть к 1972 году, когда поражение в непопулярной войне могло бы иметь для хозяина Белого дома столь же печальные последствия, как и для Джонсона на предыдущих президентских выборах.

Отсюда — замысел «кореизировать» Индокитай, то есть рассечь его надвое по 17-й параллели и насадить повсюду к югу от нее марионеточные режимы наподобие сайгонского. Однако о безрассудности подобных планов во весь голос заявляет даже американская печать.

«Какие бы краткосрочные выгоды ни дала новая эскалация, долгосрочное воздействие вторжений в Камбоджу и Лаос выразится в том, что все больше южновьетнамских войск будет вовлекаться в операции за рубежом как раз в то время, когда они нужны для замены выводимых из страны вооруженных сил США»,— констатирует газета «Нью-Йорк таймс», делая логический вывод: «Вьетнамизация Камбоджи и Лаоса лишь усугубит и без того серьезные провалы вьетнамизации во Вьетнаме».

«Вторжение Соединенных Штатов в Лаос, угрозы усилить провокации против Демократической Республики Вьетнам способны вызвать лишь дальнейшее осложнение всей обстановки в Индокитае, затруднить поиски путей к мирному урегулированию во Вьетнаме и обеспечению нейтрального статуса Лаоса и Камбоджи,— говорится в недавнем Заявлении Советского правительства.— Советский народ,— подчеркивается в Заявлении,— готов и впредь оказывать всю необходимую помощь братской Демократической Республике Вьетнам, патриотам Индокитая, отстаивающим свои законные права...».

Было бы опасным заблуждением считать, что интервенты могут бесчинствовать в Индокитае безнаказанно, что им все сойдет с рук. Расширяя масштабы агрессии, воинствующие круги США наращивают лишь масштабы своих будущих поражений.

РУССКАЯ МАТЬ

П. КУЛЯШОВ

Мария Дмитриевна Некрасова воспитала одиннадцать приемных детей. Живет Мария Дмитриевна в городе Чайковском. Я побывал у нее. Нашел нужную улицу, дом, квартиру. Позвонил. Дверь открыла пожилая женщина. Это и была Мария Дмитриевна. Прошли в комнату. Она усадила меня за стол и охотно рассказала о себе, о своих детях.

— Хлебнула я горюшка в молодости полной мерой. Батюшка мой, Дмитрий Федорович, потомственный речник, с малых лет плавал по Каме. Шкипером был. Баржи с чугуном водил от Усолья до Пожвы. Сначала работал у купца Шанина, потом нанялся к князю Львову. И мать моя с ним горе мыкала. На барже и я родилась. Старший мой брат, Василий, тоже плавал. От матроса до капитана парохода «Заря свободы» вырос. Все мы речники...

Замуж меня выдали на семнадцатом году, стряпухой я была у купца Шанина. Согласия особого не спрашивали, просватали и выдали. И началась моя бабья жизнь. Что ни год, то ребенок. За четыре года троих нарожала. Однажды мой муж, Константин, сверток в дом заносит. Подарок, говорит, тебе. Развернули, а там ребеночек, и на груди в красном узелке записочка: «Девочке два дня, звать Ниной». Вот тебе и подарок! Муж и говорит: «В приют отдадим». Нет, думаю, приют не то. Я только что мальчика родила, прокормлю обоих.

А время было тяжелое. Жили мы в те годы в Боровске. Муж работал начальником охраны на заводе... Ох, батюшки, запомнился мне тот день — пятнадцатое мая 1922 года! Разбудили ночью: «Мужа твоего убили на проверке постов...» Окаменела у меня душа... Хоронили Константина Игнатьевича с большими почестями, как старого коммуниста и организатора Советской власти на верхней Каме. А тут скоро старшенький мой — семи лет не исполнилось — умер от черной оспы. Рученьки опустились, плохо помню, как и похоронили. Через неделю от этой же болезни пятилетняя Верочка умерла. Потом и последнего сыночка черная оспа унесла. Кончилось мое материнское счастье... Осталась на руках Нинка-приемыш.

Горе свалило в постель, увезли меня в бессознательном состоянии к матери в Усолье, а Нинку в детдом отдали. Долго я мучилась, воевала с горем один на один. Когда поправилась, мне посоветовали уехать подальше. Уехала в Челябинскую область. Работала избачом в деревне Шахматово, но в 1929 году вернулась на Каму, в Пермь. Работать поступила в нижне-курьинский дом отдыха, техничкой. Как-то смотрю, у соседки три девочки живут, лет по одиннадцати. Думаю: «Вот и мои такие же были бы...» Разговорились. Откуда, мол? «Из Суксунского детдома»,— отвечают. Сбежали? Молчат. А одна такая черненькая, с челкой. «Где папа?» «Не знаю»,— отвечает. «А мать помнишь?» «Нет,— говорит,— только по карточке»,— и достает из-под подушки. Глянула я... господи, обомлела. Карточка-то моя! «Нинка, Нинка,— кричу,— моя беспризорница! Нашлась!» А она смотрит на меня и не верит. Забыла. Взяла ее, а у самой слова на язык не ложатся. Не могу говорить, и только! Ох, батюшки, счастье материнское. Есть оно, есть...

Взяла я свою Нинку. Нанялась в затон — дрова пилить. Там познакомилась со вторым мужем — лоцманом судна «Тургояк», Тимофеем Петровичем Некрасовым. Вместе с ним перешли ко мне и две его дочери, Агния и Анна, близнецы. Семья большая стала.

Наш «Тургояк» ходил по Каме от Перми до Красновишерска. Каждую навигацию плавали мы всей семьей, я работала поваром на пароходе. Однажды в 1931 году мы стояли в Перми. Я вернулась с берега и услышала на палубе шум. Подошла. Матросы парня лет тринадцати бьют. «За что,— закричала,— бьете?» «Да он вор»,— отвечают. Отняла я мальчишку, увела в каюту. Он молчит, глаза злобой горят. Посадила за стол. «Ешь»,— говорю. Поел, и вся злость в его глазах растаяла. Стала расспрашивать. Звать Пашкой. Привязался он ко мне, не уходит. Потом мамой стал звать. Вспомнила я своих... Усыновили... Трудный был парень, озорной! Потратила я на него нервов больше, чем на всех девок. С учебой дело шло плохо, но семилетку Павел кончил, и определили мы его в Горьковское речное училище. Потом благодарил в письмах, когда соображать стал.

Годы шли, Тимофей Петрович продвигался по службе. В середине тридцатых годов он плавал капитаном парохода «Чепца». Стояли мы одно время в Сарапуле. Дети наши подросли, младший, Павел, в училище был. И вот услышала я, что из Чердыни в Сарапул детдомовцев везут. Пошли мы с Тимофеем на них посмотреть. Стоим, молчим. У него в глазах тоска, да и у меня слезы навертываются. Давай, говорю, Тимоша, возьмем еще одного. Последний раз... Пошли. Выбрали двухлетнюю Зину. А в тридцать шестом году взяла я из Сарапульского детдома еще и Василька. Парню было два года. Забот добавилось.

Во время войны, в самый сорок третий год, мы жили в Башкирии. Зимой стояли в затоне на реке Белой в Ахлыстине. Приходит ко мне как-то знакомая и говорит: «Ты подумай-ка, Марья Дмитриевна, новость какую страшную узнала. В Нуримановском районе похоронная в одну семью пришла, а мать-то прочитала и умерла в одночасье, сердце горя не выдержало...» «А дети,— любопытствую,— поди, остались?» «Трое»,— отвечает. Запали мне те слова в душу. «Давай,— говорю,— Тимоша, схожу я, посмотрю на тех сирот да гостинцев свезу...» И побрела я по тугому февральскому насту за тридцать пять километров в дальний сельсовет. Сироты остались от погибшего на фронте солдата Николая Григорьевича Маканцева. Жили они у бабки с дедом. Ребята маленькие. Вижу, тяжело им без матери, в глазах сплошная тоска. Младшему, Юрке, два года, среднему, Саньке, четыре, а третья, Рая, большенькая, годочков десяти. Разговариваю с ними, приглядываюсь: сумею ли мать заменить? Пошептались со стариками, они вроде и согласны отдать малышей, а Раю оставляют в помощницы себе. Ничего тогда я не сказала ребятам, уехала. Поговорили дома с Тимошей и решили взять двоих. Поехали за ними на лошади. Старики встретили приветливо. Стали мы с ребятами калякать. Согласились они. Напились чаю и поехали в обратный путь. Холодно, вьюжит, мы их в тулупы завернули. Ничего, довезли...

«Ну, мать,— говорит Тимоша,— поставим этих на ноги и хватит, отдыхать пора». «Ладно,— говорю,— твоя воля...» Весной приехала навестить своих братьев Рая. Пожила с нами день-другой, не охота девке уходить. Смотрю, трется около меня, как котенок, а потом и говорит: «Мои братки тебя мамой зовут, и я буду». Загорелось у меня что-то в груди, зашевелилось. Господи, думаю, за что мне такая честь?

Удочерили мы и Раю. Разошлась тогда слава о нас по всему околотку — шутка ли, в голодное время троих ребят усыновить! Многие поглядывали на меня с доброй улыбкой, а кое-кто и с усмешкой... В сорок третьем году, в октябре, подбросили мне к дому сверток. Развернула. Ребенок и записка: «Девочке восемь месяцев, некрещеная, зовут Светланой, получайте!» Задумались мы с Тимофеем Петровичем. У нас и так пятеро, да старших четверых на ноги поставили. Да все равно уж, оставила у себя, Верой назвала. А мужу заявила: это даже лучше для ровного счету, аккурат десять. Согласился.

18 января 1945 года Президиум Верховного Совета Башкирии вручил мне почетную грамоту за воспитание десяти приемных детей.

После войны мы переехали в Чермоз, на родную Каму. Вот тут и захворала моя Вера. В больницу положили. Я каждый день и бегала к ней за пять верст. Врач говорит: «Уж больно часто ходите, видать, сердце у вас доброе. Может, возьмете еще одного? На воспитание...»

И как она узнала, что я из таких? «Никого,— отвечаю,— не надо, с этой замучилась». А она свое: «Да вы сначала посмотрите нашего красавца. Ему уже семь месяцев, Колей звать». Глянула на парнишку я и охнула: все лицо в коросте, грязный, худущий. Врач: «Красивый парень! Мать родная отказалась...» Ушла я, а сама думаю: ох, ты, коростливая сиротинушка! Сердце сжалось. Дай, воспитаю парня! А самой за пятьдесят перевалило.

В самый день Парижской коммуны, 18 марта сорок восьмого года, председатель Чермозского горсовета вручил мне семимесячного Колю.

Жили мы хорошо, дружно. Ребята растут, все работящие. А беда снова подстерегла. Горе в одиночку не ходит. В пятьдесят третьем году, в декабре, скоропостижно умер мой муж, капитан парохода «Краснодар» Тимофей Петрович Некрасов. Остались у меня семь человек. Стали перебиваться. Жить надо! А тут снова беда: погорели... У ребят даже обувь сгорела. Узнали про мои беды в Камском пароходстве и выделили тысячу рублей пособия. Потом еще тысячу прислали и Почетную грамоту от Министерства речного флота вручили.

В 1964 году переехали в город Чайковский. Тут и квартиру благоустроенную дали. Живем сейчас с Колей, с моим меньшеньким сынком. Одиннадцатый он у меня. Да еще друг его у нас живет, Борис Огородников. Ребята женихи, а ума еще нет... А мне семьдесят пять исполнилось.

Да, разъехались детки. По всей стране они фамилию Некрасовых развезли! Павел Тимофеевич выучился, дошел по службе до помощника капитана парохода «Жан Жорес». На войну ушел добровольцем и погиб в сорок четвертом... Потеряла я и Нину: умерла моя старшенькая... Агния и Анна — домохозяйки. Василий живет в Мошеве, на Каме, он капитаном на «Топографе». Там же диспетчером работает и Александр Тимофеевич. Юрий — механиком в Расцветаеве, Зинаида живет в Дагестане. Раиса, Вера и Николай — все речники на Чайковской эксплуатационной базе флота. Растут у меня тридцать шесть внуков и правнуков. Вот она, моя главная радость. Каждый день жду почтальона!

город Чайковский,
Пермская область.

В. Сизиков. (Харьков). ДОЯРКИ СОВХОЗА «УКРАИНА» ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА М. МИРОШНИЧЕНКО и З. БАКУМЕНКО.

С. Айтбаев (Алма-Ата). СЧАСТЬЕ.

Генрих ГУРКОВ

5 марта — 100 лет со дня рождения Розы Люксембург

ОДИН ДЕНЬ НАКАНУНЕ ВЕЧНОСТИ

Золоченая богиня игриво взвилась над колонной, окруженной пушками, отбитыми у французов при Седане. Пестрые автомобили крутят вокруг богини и пушек нескончаемый хоровод, угрюмо и надменно взирают в никуда каменные Бисмарк, Мольтке, Роон, водрузившиеся на пьедесталы в бывшей «аллее полководцев» в западноберлинском Тиргартене. Раньше эта компания гранитных идолов-кумиров прусской военщины была побольше. Я видел их остатки в холодных катакомбах темного, неуютного склада — нелепо выгибали колесом каменную грудь и задирали вверх обрубки каменных рук безголовые их превосходительства, вывезенные сюда, в сырое подземелье, из тенистой аллеи в Тиргартене после мая 1945-го, после финала.

Пронзительный ветер превращает в аэродинамическую трубу широкий бульвар, на котором предполагалось отметить разгром Советского Союза парадом победоносного вермахта. После Москвы, Сталинграда, Курска необходимость в параде отпала, а несколько позднее советские солдаты оставили автографы на закопченных, обгоревших пулями колоннах и стенах рейхстага — это здесь же, в Тиргартене. В ночь на 7 ноября прошлого года, обливаясь кровью, упал на тиргартенскую землю солдат Иван Щербак, который нес службу возле памятника погибшим отцам. Пулю послал молодой фашист. Уже не первый раз в Тиргартене летят пули наемных убийц. 15 января 1919 года они были направлены в Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

Rote Rosa — Красная Роза... Она родилась сто лет назад, 5 марта 1871 года, через полтора месяца после того дня, когда в зеркальном зале Версальского дворца, в сердце поверженной Франции, прусский генералитет под неистовое беснование шовинистски настроенного обывателя провозгласил свой, созданный железом и кровью германский рейх и короновал на кайзеровский престол Вильгельма I.

Убийство, как известно, было главной профессией рейха, профессией реакционного пруссачества, создавшего это государство. Убийство на полях сражений, убийство в застенках и на эшафоте, убийство из-за угла. Годы, десятилетия действовал принцип, прямолинейный, как ружейный ствол: хороший враг — мертвый враг, и пуля — самый надежный аргумент против инакомыслящих. Особенно, если на стороне инакомыслящих правда жизни, правда истории...

Ее арестовывали и судили в Германии за оскорбление его величества германского кайзера и в Польше за организацию выступлений польского пролетариата против деспотизма другого величества — русского царя, за пропаганду против империалистической войны, за разоблачение порядков в прусских казармах, где издевательство над солдатом было законом.

Ее убили те, для кого она всю жизнь была врагом — врагом непримиримым и опасным. Только недавно стали известны подробности того дня, когда прозвучали выстрелы в Тиргартене.

Последние часы ее жизни. Последние часы перед бессмертием. Свидетельствует убийца. Запись его показаний сделана д-ром Гюнтером Ноллау, вице-президентом западногерманского ведомства по охране конституции. Запись выполнена четко, с леденящим душу хладнокровием...

«Я беседовал с майором в отставке Вальдемаром Пабстом в его дюссельдорфской квартире на Виндшайдштрассе. Пабст в январе 1919 года был первым офицером генерального штаба при гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии.

Он сам слышал выступления Карла Либкнехта и Розы Люксембург в то время в Берлине. Для этого он переоделся в штатское платье и смешался с толпой. Он пришел к выводу, что оба чрезвычайно опасны и нет возможности противопоставить им ничего равноценного. Поэтому он решил обезвредить эти лица».

Их всего лишь несколько недель тому назад освободила из кайзеровских тюрем революция. Та самая революция, которая смела монархию Гогенцоллернов, назвала Либкнехта и Люксембург своими вождями. Карл и Роза — всюду. Они выступают на берлинских площадях и улицах, их окружает восторженная масса людей. «Берлин под красным знаменем» — этим радостным заголовком на всю первую полосу открывался первый номер рабочей газеты, вышедшей 9 ноября 1918 года. Газета стала рупором революционных сил. Ее название — «Красное знамя». Ее редакторы — Либкнехт и Люксембург.

А тем временем к столице подтягиваются контрреволюционные полки: заговор господ промышленников, банкиров, генералов и правых социал-демократических бонз стал фактом. Одно из звеньев этого заговора — ликвидация Либкнехта и Люксембург.

15 января, берлинский отель «Эден»...

«...Вначале привели Карла Либкнехта. Затем была доставлена Роза Люксембург. Она не отрицала свою аутентичность и вообще вела себя очень храбро»,— сообщает Пабст.

Орлом называл эту маленькую и хрупкую на вид женщину Ленин. В 1893 году вместе с Лео Иогихесом и Юлианом Мархлевским она основала социал-демократическую партию в Королевстве Польском; в 1898 году, приняв гражданство Германии, она вступила в ряды германской социал-демократии; в 1906-м как делегат социал-демократов Польши и Литвы участвовала в V съезде РСДРП в Лондоне, там она поддержала позицию Ленина, большевиков.

Едва став членом социал-демократической партии Германии, она решительно и гневно, с блистательным сарказмом обрушивается на капитулянтскую платформу Эдуарда Бернштейна, на попытки «усовершенствовать» марксизм, выхолостив из него решающее звено — учение о диктатуре пролетариата. Ей бросают упрек: «Молодой рекрут в рабочем движении, а поучает старых ветеранов». Роза Люксембург отвечает: «То, что я должна еще завоевать свои эполеты в германском рабочем движении, мне известно; но я хочу сделать это на левом крыле, где с врагом борются, а не на правом, где с врагом ищут компромиссов».

«Пабст заявил, что ни Люксембург, ни Либкнехт не видели друг друга в тогдашней штаб-квартире в отеле «Эден». Он ничего не сказал им и о судьбе, которая их ожидает. Роза Люксембург, однако, видимо, предчувствовала, что ей предстоит. Она сидела в углу и читала «Фауста», вторую часть...»

«Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!».

Да, каждый день ее жизни был боем. Последний удар по врагу — основание Коммунистической партии Германии.

Враг по-своему реагировал на создание КПГ. «Появление партии коммунистов — это сигнал тревоги,— писала газета «Фоссише Цайтунг»,— есть только один путь спасения: военная власть, обладающая достаточными возможностями. Поэтому все силы против большевизма».

«...Сначала вывели Либкнехта, затем Розу Люксембург. Им, Пабстом, не было предусмотрено, что Розу Люксембург будут избивать в отеле. Однако егерь Рунге, который стоял на посту у главного входа, по указанию капитана Петри ударил Розу Люксембург ружейным прикладом по голове так, что она потеряла сознание».

Пабст пытается представить дело таким образом, будто он сам, единолично, вынес смертный приговор Либкнехту и Люксембург и сам, вместе с группой офицеров, организовал его исполнение. Сговор капитала, генералов и правых социал-демократических перерожденцев? Помилуйте, всего этого не было и в помине!

«Роль изображать разгневанную толпу народа была отведена лейтенанту военно-морского флота Сушону, который заранее в обусловленном месте поджидал автомобиль, увозивший Розу Люксембург. Автомобиль остановился, и Сушон выстрелил в Люксембург, которая все еще была без сознания. После этого труп Люксембург бросили в Ландвер-канал...»

Если пройти несколько сот метров от Ландвер-канала, то выйдешь к Бранденбургским воротам. Над ними развевается флаг первого в истории Германии рабоче-крестьянского государства. Когда республика отмечает свои праздники, всегда здесь звучит боевая революционная песня:

«Мы рождены для борьбы,
И мы готовы к борьбе.
В этом мы поклялись
Карлу Либкнехту,
Мы протягиваем руку
Розе Люксембург».

Да, тот, кто жил для лучших идеалов своего времени, кто не щадя себя мужественно боролся за них, тот живет вечно.

Как Карл. Как Роза.

Берлин.

Интервью «Огонька»

Наталья УЖВИЙ,
народная артистка СССР,
председатель президиума
Украинского театрального
общества

БОЕВАЯ СИЛА ИСКУССТВА

Многообразен и сложен путь развития нашего театра. Время диктовало и диктует ему новые темы, образы, приметы. Но на всем, свыше чем полувековом протяжении истории украинской советской сцены незыблемой оставалась партийность нашего творчества.

...Килия. Районный центр на юге Украины. «Кремлевские куранты». Спектакль Одесского театра имени Октябрьской революции. Финал — торжественный перезвон курантов на Спасской башне Кремля. Как один поднимаются зрители со своих мест. Весь зал запевает «Интернационал».

Тернополь. Театр имени Т. Г. Шевченко играет «Незабываемое» Александра Довженко. Спектакль идет на стадионе. Завершающая сцена — клятва украинских партизан, клятва Родине, партии. Сотни людей в едином порыве устремляются вслед за участниками спектакля, и взволнованная импровизированная манифестация идет по улицам под красными знаменами.

Это факты наших дней.

А вот воспоминания моей актерской юности. Первый театр Украинской советской республики имени Шевченко — ныне это Днепропетровский украинский драматический театр, рожденный в огне боев, которые вела 12-я армия за власть Советов,— играет в рабочем клубе, перед красноармейцами. Посреди спектакля кто-то из актеров выходит с объявлением: «Продолжение — после боя»... Первым художественным руководителем этого «революцией призванного» театра был Александр Загаров, талантливый ученик К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко; первым комиссаром — Александр Довженко, первым завлитом — Павло Тычина... Коммунистическая убежденность была их человеческой сущностью, служение народу — целью, вбирающей силы и мечты.

Разными были в искусстве Гнат Юра и Лесь Курбас, Амвросий Бучма и Юрий Шумский, Иван Микитенко и Микола Кулиш, но они, как и многие другие выдающиеся мастера советской украинской театральной культуры, навсегда славны тем, что при всем своеобразии творческого почерка последовательно и страстно служили общему коммунистическому делу.

Ко многому обязывает это дело, но прежде всего лишает права на бесстрастную самоуспокоенность, демонстративно изолирующую художника от общества и времени. Они требуют от искусства предельно действенных идейных позиций: четких позиций борца, идущего в авангарде жизни.

«Кто ты, человек? Куда стремишься? За что борешься? В каком ряду стоишь?..» Неизменно предъявляем мы такие вопросы к герою художественного произведения и его творцам. Персонажи, живущие бескрыло и бесцельно, лишенные больших гражданских устремлений, бесконечно чужды нашему обществу.

Таких бесполезных, аморальных героев невозможно представить себе в творчестве Александра Корнейчука. Коммунистический пафос, патриотизм от пьесы к пьесе характеризуют героев Корнейчука, естественно и властно шагающих со сцены в жизнь наиреальнейшую. Мне посчастливилось: на протяжении не одного десятилетия мой творческий путь, жизнь родного мне театра имени Ивана Франко неотделимы от творений А. Е. Корнейчука. И с каждой его премьерой театр ощущает, как умножается боевая сила сценического искусства, растет идейное воздействие на зрительный зал. Постановки спектаклей «Гибель эскадры» и «Платон Кречет», «Правда» и «Макар Дубрава», «В степях Украины» и «Калиновая роща», «Крылья» и «Страница дневника» помогли нам остро ощутить единство коммунистического мировоззрения художника и его мастерства.

Постановка новой пьесы драматурга, «Память сердца», посвященная 100-летию со дня рождения Ильича, еще раз подтвердила, что по-прежнему неистощимо богаты краски творческой палитры этого большого художника, самобытны его интересные, разносторонние персонажи: один отмечен лиризмом, другой масштабностью дерзаний, третий обрисован с юмором, четвертый — гневно, саркастически... А все вместе — галерея образов, создающая единую, целостную панораму жизни, освещенную взглядом художника-коммуниста.

Принципами партийности проникнуты лучшие пьесы украинской драматургии последнего времени. Сейчас, в канун XXIV съезда КПСС, отрадно наблюдать, что искания мастеров, представителей всех литературных поколений, объединяются стремлением утвердить героику эпохи, величие социалистических свершений, грандиозность коммунистических перспектив.

Судьба человека — судьба народная. Сегодня не найдешь тему, более достойную художественного поиска! Я убеждена, что никакая победа театра немыслима без создания яркого, правдивого образа современного героя. Рождение же его на сцене — это прежде всего рождение в пьесе.

Пьесы эти очень разные... Но всюду виден духовный мир человека, рожденного революцией, вдохновляемого ленинскими идеалами.

В «Верности» М. Зарудного мне привелось играть роль Матери на франковской сцене. Не часто появляется седая крестьянка с натруженными руками, но за ней — народная совесть и мудрость. Через земли Украины и России несет она Ленину целебные травы, а главное — верность народную, сокровенное чаяние миллионов: «Будет жить Ленин! Будет!..» Сила добра живет в «Верности», как непобедимая сила, ибо добро не абстрактно, не «общечеловечно», а имеет в себе точно определенные социальные и человеческие приметы; оно побеждает вместе с его носителями — солдатами революции.

Та же социальная определенность живет и в «Горлице» Алексея Коломийца. Пьеса философична и действенна, поэтична и масштабна. В сюжете ее незримая духовная эстафета передается от отцов к детям на пути к коммунистической цели. Автором переброшен своеобразный мостик из гражданской войны к современности: это судьба Павла Гонты, ветерана революционных битв; это его трудная, но светлая любовь к чудесной Горлице.

Подчеркнутое единство духовных достоинств советского человека и его судьбы выступает на первый план в пьесах В. Собко «Голосеевский лес» и А. Пидсухи «Кому кукуют кукушки».

Нравственные, этические их категории высоки. Чувства героев, как и ситуации, в которых они раскрываются, остры, а то и контрастны. Но драматурги при этом избегают мелодраматизма. Мужество и доверие, справедливость и доброта — вот принципы социалистической морали, вот законы социалистического бытия героев.

Смело можно сказать: художник, вооруженный партийной тенденцией творчества, подлинно свободен. Перед ним раскрыты неизведанные возможности. Интересным подтверждением этого может, на мой взгляд, служить пьеса Ивана Рачады «Есть такая партия». Ее хронологию составляют годы 1917—1922 — пять исторических лет жизни страны. На «переднем крае» здесь образ В. И. Ленина. Основу событий и составляет напряженная деятельность вождя.

Иван Рачада строит свою пьесу стремительно. Место, обстоятельства действия меняются калейдоскопически. А волнующая суть произведения остается неизменной. Мы постигаем тонкие душевные движения Ильича, остающегося человечным, естественным, оптимистичным на самых драматических поворотах истории.

* * *

Большинство пьес создавалось в тесном контакте с театрами. И не случайно ведущие театры Украины достигли на материале именно этих произведений наиболее впечатляющих побед.

Драматург и театр — единомышленники. Их объединяет коммунистическая убежденность, стремление служить человеку труда и социальному прогрессу, умножать истину и справедливость.

Каждый день сценической практики подтверждает творческую плодотворность такого идейно-гражданственного содружества. Животворны связи Александра Корнейчука с франковцами — и в этом сегодня нет нужды кого бы то ни было убеждать! Столь же прочен союз драматурга Миколы Зарудного с Винницким театром имени Н. Садовского, где, собственно, и зародился, а потом окреп, приобрел крылья талант драматурга. Александр Пидсуха тесно связан с Тернопольским театром имени Т. Г. Шевченко... Таких примеров немало. В них — выражение животворных процессов, происходящих в нашем театральном искусстве.

Лишь последовательность поиска дает художнику возможность уверенного восхождения к вершинам мастерства — знаю это по себе. Самые любимые, самые дорогие роли, в которых привелось мне выступать,— это образы современниц, отдающих труд, страсть, самую жизнь во имя победы идеалов коммунизма.

Бывая за рубежом, встречаясь с представителями буржуазного искусства, порой слышишь: «Крестьянки, работницы... Бедная мадам Ужвий! Наверное, такие роли играть невесело? Ведь в мире столько поэзии, столько чисто эстетических образов и тем... Неужели они запретны для актрисы-коммунистки?» Что же, не оригинальны россказни апологетов капитализма о том, что, мол, советский художник «порабощен» «узами идейности»! Давно пытаются наши недруги противопоставить партийность и свободу творчества. Но бесполезны эти попытки...

Вспоминаю «Гибель эскадры» и комиссара Оксану; строительницу новой, социалистической жизни Лиду из «Платона Кречета»; мудрую труженицу Наталью Ковшик в «Калиновой роще»... Я их люблю не меньше, чем героинь Шекспира и Шиллера, Пушкина и Чехова, Старицкого и Карпенко-Карого... Они служили и служат для меня источником поэзии, воплощая вы-

сокую эстетику жизни и творчества. Она для нас — не в бегстве в мир абстрактной красоты, а в утверждении высокой души человека, озаренной трудом и борьбой.

Мы вольны в выборе идей и тем. Волен каждый из нас.

Одной из наиболее близких мне в последнее время является, к примеру, роль матери, старой женщины в спектакле «Уступи место» американской писательницы В. Дельмар; только что студия «Укртелефильм» закончила его экранизацию.

Произведение близко и нам, артистам, и зрителям своей гуманной мыслью: в нем виден неприемлемый для нас образ жизни американского общества; видно, что главной, нестареющей ценностью всегда остается большое, самоотверженное человеческое сердце...

Тенденциозен ли этот замысел? «Задан» ли он?.. Нет, конечно!.. Мы, актеры, и тут, голосом своей совести, своим пониманием миссии советского искусства стремимся преобразовать мир и человека по законам истинной справедливости и красоты...

Раз мы уж коснулись этой темы, не обойдешь проблем сценической классики. Порой режиссура считает, что, обращаясь к творениям прошлого, мы призваны воспроизводить их хрестоматийно. Такая позиция представляется ошибочной: ведь, даже играя античную пьесу, мы апеллируем к мировоззрению, эмоциям нашего с о в р е м е н н и к а! Нет, и классика не освобождает советского художника от высшей цели — служения коммунистическим идеалам. И на материале классики театр призван помогать зрителям в оценке собственного пути. В работе над классикой, как и в спектакле о наших днях, победа или поражение театра определены прежде всего идейной целью. А уже она и диктует художникам пути и средства творческого воплощения пьесы...

Наша последняя постановка — «Кассандра». Драматическая поэма эта, принадлежащая перу Леси Украинки, великой национальной поэтессы, прежде не знала света рампы. Сергей Смеян, главный режиссер театра имени Франко, при самом бережном отношении к классическому творению, искал самостоятельного, современного подхода к нему и, на мой взгляд, добился успеха.

Леся Украинка, завершив свою поэму в период разгрома революции 1905 года, всю свою страсть направила на развенчание компромисса, призывая к дальнейшей борьбе за правду. Режиссер и исполнители, воплощая поэму сегодня, подчеркивают ее жизнеутверждающее начало, корень которого — в исторических, революционных судьбах народа и страны.

Конечно, все это не означает, что мы имеем право на произвольное «редактирование» классики, хотя охотники к подобным «поискам» у нас еще встречаются. За ними чаще всего — беспомощность режиссера-«новатора», вульгаризация классики, ее механическое «приспособление» к сегодняшнему дню. Ничего общего с подлинной современностью искусства они, конечно, не имеют.

«Есть такая партия» в Киевском театре имени Леси Украинки. В. И. Ленин — Ю. Мажуга, Н. К. Крупская — Л. Предаевич.

По инициативе Украинского театрального общества и Министерства культуры республики в нынешнем году проводится Всесоюзный конкурс на лучшую постановку пьес Леси Украинки. Но не только дань прошлому стремимся мы отдать, призывая театры к работе над философской и поэтической драматургией Леси Украинки, а надеемся, что режиссеры и актеры во всех братских республиках прежде всего сумеют передать революционность идей поэтессы, созвучие их нашему времени.

Служение великим народным идеалам на материале пьес о вчерашней ли жизни, как и жизни сегодняшней,— вот вернейший путь для театра, добивающегося социальной и психологической правды.

В республике славится самобытностью и сочностью, активным вторжением в жизнь Львовский театр имени М. Заньковецкой. Для него характерны четкий идейный прицел, высокие нравственные задачи. Одинаково отмечают они постановки и новых пьес советских драматургов и пьес Шевченко, Горького, Шекспира...

Репутацию первооткрывателя снискал Тернопольский театр имени Т. Г. Шевченко, дающий первое прочтение современной драматургии.

Украинские современные режиссеры С. Смеян, В. Лизогуб, Д. Чайковский, Я. Геляс, Ф. Верещагин, В. Оглоблин, С. Данченко, М. Равицкий, В. Грипич, А. Утеганов, Б. Мешкис... Разные мастера... Разные поколения. И самые разные спектакли, которыми они наиболее отличились... Тут и «Ярослав Мудрый» И. Кочерги и произведения М. Стельмаха, М. Шолохова... А решают успех каждой постановки большая гражданская мысль и яркое художественное ее воплощение.

Не существует единого решения спектакля. Сколько копий в свое время ломали на разных дискуссиях: современен ли занавес, условен ли фон, нужна ли тщательная декорация?.. А жизнь привела к единственно верному выводу. Интересен тот спектакль, где присутствует правда жизни народа, правда борьбы. Идея, мысль, тенденция первичны, форма производна. Художник должен не «ошеломлять» или «услаждать» взгляд, а формировать душу, нравственность, чувство зрителя.

Близок день открытия XXIV съезда нашей родной Коммунистической партии. В раздумьях об этом дне снова и снова понимаешь: высшее счастье советского художника — в сознании: мы — с партией! Партия — с нами.

Киев.

Евгения Коновалова в годы войны служила в одном из отрядов гражданской авиации, выполняя поручения по транспортировке пассажиров и грузов. С 1953 года работает диспетчером Министерства гражданской авиации СССР.

Особое задание

Евгения КОНОВАЛОВА

БЫЛЬ

Рисунок И. Михайлина.

Утром его разбудил чей-то низкий, с хрипотцой голос. Марченко приподнял голову и осмотрелся: в землянке рядом с деревянным топчаном, на котором он спал, стоял невысокий, наскоро обструганный столик, на нем осколок зеркала. На табуретке лежала небрежно брошенная кофта.

Снова послышался знакомый голос:

— Собери своих ребят — и на самолетную площадку! Чтоб к вечеру была готова... Вчера самолет из строя вывели.

— Площадка что, площадка будет готова,— ответил другой голос.

Этой ночью Марченко прилетел в партизанский отряд. Их — первых посланцев с Большой земли — с нетерпением ждали в далеких лесах. Но случилось непредвиденное: в конце пробега машина задела за пень.

Голоса стихли. Потянувшись, Марченко взглянул на часы, торопливо поднялся и вышел из землянки.

Верхушки вековых сосен шумели от набегавшего ветра. Лучи солнца скользили вдоль стволов, пригревая остывшую за ночь землю. Марченко шел по узкой тропе к самолетной площадке и ругал себя за то, что проспал непростительно долго.

Еще издали он увидел копошившихся у «ЛИ-2» механика и радиста. Самолет был замаскирован еловыми ветками.

— Это как называется? — подходя ближе, с упреком спросил Марченко и снял куртку.

На него поглядел улыбающийся механик Виктор.

— Не ругайся, командир.— Механик вытирал ветошью замасленные руки.— Нам сказали, что ты сладко спишь в женской землянке, вот мы и не посмели тебя беспокоить,— не без намека подмигнул он радисту.— А машина готова, ночью можем вылетать!

Солнце стояло высоко, когда Марченко вернулся к землянке. На скамейке сидел парень, правая рука его была перевязана. Он посмотрел на Марченко и предложил:

— Садись. Чудно смотреть на погоны, я первый раз их вижу на советском человеке... А в каком ты звании?

— Лейтенант... Один просвет и две звездочки... А что с рукой-то?

— А... вчера их благородие брали,— сказал парень и, помолчав, поинтересовался: — Вы теперь все время летать к нам будете?

— Все время.

— А то, понимаешь, у Ковпака садятся, у Медведева тоже, а у нас нет.

— Чтоб до вас добраться, пришлось дополнительные бензобаки поставить.— И, помолчав, добавил:— Вывезти детей партизан — правительственное задание!

— Это верно, они нас по рукам связывают. А надо переходить к боевым действиям...

— Как звать тебя? — перебил его Марченко. Тот, сощурив глаза, посмотрел на небо.

— Эх, на поле бы сейчас! Я до войны трактористом был... Спрашиваешь, как меня звать? Пашкой зовут.

— Паша, а немцев в городе много?

— Хватает, а что?

— А эсэсовцев?

— И их достаточно.

К соседней землянке подвели двух пленных немцев. Один из сопровождающих вошел в землянку, другой остался охранять.

— Хороша добыча... и кресты есть! — заметил Марченко.— Я ведь тоже впервые вижу фрица, все больше приходилось смотреть на них с высоты.

— Эту добычу вчера взяли. Вот из-за них...— Пашка показал на больную руку и зло плюнул себе под ноги.

— Так, говоришь, много немцев в городе?— помолчав, снова спросил Марченко.

— Есть. А что? — уже не без любопытства поинтересовался Пашка и посмотрел на летчика.

— Понимаешь, какое дело... У меня в городе жена осталась, перед самой войной поженились...— тяжело вздохнув, сказал Марченко.

— Может, она успела выехать? — сочувственно предположил Пашка.

— Слыхал я, будто не успела... Эх, если бы не особое задание, я бы!..

— Я бы, я бы!..— перебил его Пашка.— Придумаем что-нибудь!

Послышались голоса, потом словно выросли из-под земли два мужика в сопровождении партизана.

— А ну, стой, мужики! — приказал сопровождающий.— Доложу командиру! — Он посмотрел на Пашку, как бы препоручая ему пришлых.

— Видал... у них тут своя автономия,— заметил мужик с рыжей бородой и посмотрел в сторону, где на просеке между стволов виднелся костер.— Кругом немец, а они...— Он повел носом.— Кашей пахнет, мать честна!

— Говорю тебе, это к ним с красными звездами...— уверенно сказал другой, переступая с ноги на ногу. Заметив на Марченко погоны, он удивленно округлил глаза:— Чудно-о-о... не поймешь, свой аль...

Из землянки вышел командир отряда и, рассматривая мужиков, спросил:

— Откуда вы и зачем пожаловали?

Рыжебородый покосился на Марченко и, осторожно ступая поношенными лаптями по влажному валежнику, шагнул к командиру и вполголоса начал:

— Слышь-ка, до нас дошел слух, будто, значит, Советская власть тово, кончилась... А вчера самолет с красной звездой пролетел. Может, это немцы? — Рыжебородый снова покосился в сторону Марченко.

— Почему же немцы, если с красной звездой? — вопросом на вопрос ответил командир.

— Так ежели тово...

— Так, может, и он тово... Привидение! — громко сказал командир, кивнув в сторону летчика.— Это он к нам на красных звездах прилетел!

— Значит, брешут...— сделал вывод мужик. И, немного помолчав, решительно спросил:— Ты здесь за самого главного?

— Я, а что?

— Принимай, значит, пополнение. Нас, правда, человек полста будет, вот только мы неорганизованные, опять же командира нет...

Командир отряда задумался.

— Такой вопрос мигом не решишь. Надо проверить...

— Мать честна, недоверие... Нешто мы христопродавцы! — Он метнул взгляд в сторону своего товарища, ища у него поддержки, но тот, теребя в руках шапку, молчал.— У нас

там бабы и ребятишки! Мы же, почитай, больше трех месяцев как в лес ушли, отседова верст двадцать будет.

— Давай заходи! — указал командир на свою землянку.— Разберемся.— И, повернувшись к летчику, заботливо предложил:— А ты иди отдыхай, тебе ведь скоро вылетать...

— Иван Тимофеевич,— Пашка сделал шаг в сторону командира отряда,— у него в городе жена осталась...

Иван Тимофеевич подошел к Марченко и, положив огрубевшую ладонь на его плечо, посоветовал:

— Все равно иди отдыхать, задание-то вон какое ответственное. А в своей землянке оставь координаты жены: фамилию, имя и по какому адресу она проживала... Придет с задания наша дивчина, есть у нас такая, ей и поручим.

Когда стемнело, Иван Тимофеевич, Пашка и несколько партизан были уже на самолетной площадке, с минуты на минуту ожидая вылета.

Из глубины леса с винтовкой наперевес вынырнул паренек и сообщил Ивану Тимофеевичу:

— Командир второй роты велел передать, что отряд карателей...— И будто в подтверждение его слов взрывом сотрясло воздух, земля дрогнула.

— Началось!..— сказал Иван Тимофеевич.

Командование партизанского отряда накануне получило донесение разведки о том, что каратели готовятся прочесывать лес. Партизанам надо было уходить на запад, оттянув на себя часть фашистских войск.

Орудия противника усилили огонь по лесу, будто прощупывая его. Пашка с опаской посмотрел в сторону, откуда доносились орудийные выстрелы, и нетерпеливо выкрикнул:

— Ну что он мешкает!

— Спокойно, ты же разведчик! — сказал командир отряда, не отрывая взгляда от медленно рулившего самолета.

Иван Тимофеевич увидел прильнувшие к стеклам иллюминаторов ребячьи мордашки.

Самолет отрулил в самый конец площадки и остановился. Орудийные залпы участились. Казалось, вот-вот ахнет снаряд по площадке, и вылет не состоится.

— Что он не взлетает! — не выдержал и Иван Тимофеевич.

Где-то совсем рядом, словно в ответ, ухнула пушка. С присвистом и шипением над головами стоявших пролетели снаряды.

Шум мотора стал нарастать, и, взревев на полную мощность, машина тяжело сдвинулась с места. Три фонаря «летучая мышь» стояли в створе полосы, указывая направление взлета. Ивану Тимофеевичу казалось, что самолет бежал по взлетной целую вечность... Наконец темный силуэт оторвался от земли, тяжело пошел, набирая высоту.

Огонь усилился, теперь он уже бил по самолету. Сердце Ивана Тимофеевича холодело от мысли, что вот сейчас они попадут в самолет. Один снаряд разорвался на площадке, и двух фонарей как не бывало. Черная точка уходила на восток.

— Ну, слава богу... Теперь проскочить бы ему линию фронта — и дети в безопасности...— сказал командир и направился было к землянке.

— Иван Тимофеевич, Иван Тимофеев-и-и-ч...— запыхавшись от быстрого бега, окликнула его девушка. Командир остановился.

— А, вернулась?.. Видишь: данные твои подтвердились.

— Не успела, улетел!..— дрожащим голосом протянула девушка и заплакала.

— Ты это что, Татьяна?

Таня протянула командиру отряда маленький клочок бумаги.

— Что это?

— Записка, у себя в землянке нашла.

— И что в ней?

— В ней, в ней... «Милая девушка, очень прошу вас что-нибудь узнать о моей жене Снегиревой Татьяне...»

— Постой, постой, так, значит... Эх, какая досада...

Недалеко от самолетной площадки раздался глухой взрыв, а где-то совсем рядом в ответ застрекотала пулеметная очередь.

Мара ГРИЕЗАНЕ

ДРАГОЦЕННЫЕ ВЛАДЕНЬЯ

ГОРКИ

Знаю, где-то перед снегом,
в подмосковный стройный полдень,
в золотое воскресенье
я покину электричку,
по дощатому настилу
каблучками простучу.

А рубиновые сосны
и янтарные березы
распахнут свои святые,
драгоценные владенья
и откроют мне дорогу,
ту, которую хочу.

Будет небо, будто купол
храма вечности и воли,
высоко, светло, хрустально
надо мной переливаться
животворными лучами,
синим маревом дрожать.

Будут птахи-красногрудки
петь об осени и жизни,
и чертить свои зигзаги,
и круги, и полукружья,
и меня по той дороге,
словно друга, провожать.

Я невольно шаг замедлю...
Резко сердце встрепенется,
как ликующая птаха:
вот он — дом, простой и дивный,
как бы слившийся с природой —
с небом, лесом и землей.

А вдали синеет пашня.
Там российская деревня.
Жестяные гребни ярко,
будто маковки, алеют.
И блестят дневные окна
нерастаявшей росой...

Я, ступая осторожно,
по листве пройду хрустящей
к той скамье, где только-только,
над блокнотами склоняясь,
обо мне с улыбкой думал
самый мудрый человек.

Где с большим, сутулым Горьким
толковал он о России
и, прищурив глаз веселый,
все смотрел на это поле,
на мерцающие избы,
на лесов крутой разбег...

Мудрость осени вдыхаю...
И внезапно замечаю,
что синеющие пашни
и рубиновые сосны —
все до странности похоже
на Латгалию мою...

Так, наверно, и должно быть:
здесь, в местах бессмертных этих,
под Москвою, в центре мира,
где сердца людей мужают,
я, латышская девчонка,
край родимый узнаю.

КОММУНИСТУ

Коммунист, созидатель жизни,
закаленный в сраженьях воин,
ты стоишь на земной твердыне
и натруженными ступнями
ощущаешь Земли движенье —
круговое вращенье мира.
А глубинные гуды почвы,
словно токи, идут по телу,
наполняя его волненьем
и земной первородной силой.
Солнце красное над тобою
полыхает победным светом,
озаряя седые дали.
Ты стоишь на своей планете,
как законный ее хозяин,
широко, горделиво, твердо,
будто в землю ушел корнями.
И никто никогда не сможет
у тебя отнять это право,
ибо корни твои — Народ.

Коммунист, человек мой милый,
повседневный, доступный, близкий,
ты берешь из рук моих чутких
годовалую дочку Анну...
Как надежно, уютно, мирно
на огромных твоих ладонях!
И смеется малышка звонко
и агукает от восторга...
Молодое твое дыханье
согревает края земные.
Только плечи слегка сутулы:
это сладостный груз эпохи
на себя ты спокойно принял.
И горит молодое сердце,
как багряное солнце в небе.
И стучит, как кузнечный молот,
гулко, весело и сурово...
И никто никогда не сможет
погасить в твоем сердце пламя,
ибо корни твои — Народ.

Коммунист, рядовой землянин,
самый дивный на свете мастер,
ты стоишь посреди Вселенной,
как законный ее хозяин,
молодым дальнозорким взглядом
озирая свои свершенья —
от Луны, где послушный робот
выполняет твою программу,
до Земли, где уже сияют
Коммунизма святые звезды...
Вон пульсируют в дальних далях
индустрии стальные вены...
Вон сверкают лучами славы
золотые дворцы науки...
А хлеба на просторах вольных
озорными чубами машут...
Ты стоишь, Коммунист, навечно.
И никто никогда не сможет
сокрушить твоих рук творенье,
ибо корни твои — Народ.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Л. А. КОСТАНДОВ,
министр химической промышленности СССР

МОГУЧЕЕ ДРЕВО ХИМИИ

В ХИМИЧЕСКОЙ И НЕФТЕХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УВЕЛИЧИТЬ ВЫПУСК ПРОДУКЦИИ В 1,7 РАЗА, В ТОМ ЧИСЛЕ ПЛАСТИЧЕСКИХ МАСС И СИНТЕТИЧЕСКИХ СМОЛ ПРИМЕРНО В 2, КАУЧУКОВ В 1,7 И ТОВАРОВ БЫТОВОЙ ХИМИИ В 1,9 РАЗА.

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

Диаграмма, которую вы видите на этих страницах, подготовлена по моей просьбе. Она показывает, как росло производство минеральных удобрений в нашей стране. Из многих показателей, которыми можно было бы охарактеризовать химическую промышленность СССР, на мой взгляд, этот особенно наглядный, в нем как в капле воды отразились многие глубинные процессы.

Прежде всего — динамичность развития советской химической промышленности в целом. В годы прошедшей пятилетки она развивалась в 1,47 раза быстрее, чем вообще вся промышленность, а в 1970 году еще быстрее — в 1,57 раза.

Что же касается минеральных удобрений, то к ним слово «рост» даже не очень подходит. Посмотрите на диаграмму, вдумайтесь в эти цифры: в 1958 году, когда мы только начинали развернутую программу химизации, вся наша промышленность выпускала 12 миллионов тонн минеральных удобрений, за два же последних (1969—1970) года только прирост, только новые мощности составили 20 миллионов тонн!

Это, конечно, небывалый скачок. Глубоко его воздействие на наше сельское хозяйство и через него на всю нашу жизнь — на обилие и разнообразие продуктов и товаров, на благосостояние прежде всего крестьянства, всего советского народа. Видите, как тесно переплетены производственные и социальные проблемы... Здесь и помощь города деревне, промышленности — сельскому хозяйству, здесь и проблемы сближения уровня жизни городского и сельского населения. Нужно сказать, что такое переплетение социальных и производственных проблем характерно и для других ветвей могучего древа химии.

В 1975 году по проекту Директив XXIV съезда КПСС Советский Союз произведет 90 миллионов тонн минеральных удобрений. Сколько дополнительных тонн урожая даст обильно удобренная земля!

За прошедшие годы наша промышленность стала выпускать не просто больше минеральных удобрений, в этом выпуске значительно увеличился удельный вес высококонцентрированных и сложных, то есть содержащих основные, необходимые для питания почвы и растений элементы. Применение в сельском хозяйстве концентрированных и комплексных удобрений обеспечивает более равномерное и правильное распределение питательных веществ в почве, следовательно, более высокую их эффективность, значительное снижение затрат труда и средств на транспортировку, хранение и особенно внесение удобрений.

Это важные, качественные изменения. Они произошли и в других отраслях химического производства, где также идут процессы не просто количественного роста, а глубокой внутренней перестройки, дающей новое, более высокое качество.

Значительно изменилась, например, структура производства пластмасс и синтетических смол. При общем увеличении их выпуска в 2,1 раза за пятилетку производство полимеризационных пластмасс и смол в 1970 году возросло в 3,1 раза по сравнению с 1965-м.

Промышленность химических волокон не только выросла, но и освоила много новых типов пряжи, обладающей ценными свойствами — такими, как большая прочность, стойкость к резким перепадам температур, к радиации, ко всякого рода растворителям, как бактерицидность, способность отталкивать воду.

Растет в общем объеме производства выпуск легкой, пушистой, мягкой, так называемой высокообъемной пряжи. Новые ткани из синтетических волокон, а также шубы из искусственного меха, пальто и куртки из искусственных кож и замши — все эти дары химии пользуются популярностью.

Синтетические волокна в сочетании с природными придают шелку, льну, шерсти ценные свойства — несминаемость, износоустойчивость. Недаром практически половина выпускаемого льна и 97 процентов шелка идет с примесью химических волокон. Применение же их в технических изделиях дает еще больший эффект: тонна химического волокна заменяет от двух до четырех тонн высококачественного хлопка.

В своей речи на декабрьском Пленуме ЦК КПСС (1969 год), товарищ Л. И. Брежнев говорил, что повышение эффективности общественного производства стало поистине ключевой проблемой прежде всего по той причине, что изменились главные факторы нашего экономического роста. Раньше мы еще могли развивать народное хозяйство главным образом за счет количественных факторов, то есть увеличения численности рабочих и высоких темпов наращивания капитальных вложений. Период такого, так называемого экстенсивного развития, по существу, подходит к концу. Сейчас у нас из каждых десяти человек трудоспособного населения девять работают и учатся. Имеет свой предел и такой источник роста, как наращивание темпа капиталовложений. Любое увеличение доли накоплений, естественно, может происходить за счет доли потребления, а мы на это не можем пойти, если хотим и впредь вести курс на подъем жизненного уровня трудящихся.

Перед партией и народом поставлена задача особой сложности — развивать нашу страну на базе прежде всего качественных изменений. Главная задача девятой пятилетки, в которую вступила наша страна, как это определено в проекте Директив XXIV съезда КПСС, как раз и состоит в том, чтобы обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни нашего народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда.

Всепроникающая химия — хорошая помощница в этом огромном и очень трудном деле. Она мне представляется не просто отраслью промышленности, которую развивает определенное министерство или группа министерств. В некоторых отношениях она мне напоминает кибернетику — методы химии, ее принципы все глубже проникают во все отрасли промышленности и в сельское хозяйство. Сейчас нельзя себе представить развитие хотя бы одной стороны нашей жизни без химии — идет ли речь о быте, или о здоровье, или о космических

исследованиях. О техническом уровне страны в целом можно судить по тому, насколько глубоко идет в ней процесс химизации.

С чем связано такое мнение?

По самой природе своей химические методы исключительно производительны. Возьмем для примера черную металлургию. Процесс получения сталей теперь немыслим без применения кислорода. Его проникновение в эту отрасль означало повышение мощностей агрегатов, улучшение условий труда. А цветная металлургия? Это ведь, по существу, химическое производство. Расширение ассортимента и повышение качества химических веществ, применяемых при извлечении из природного сырья цветных и драгоценных металлов, дает прибавку, исчисляемую сотнями тысяч тонн. Заметьте, что эта прибавка происходит без строительства новых шахт, рудников и т. п. Такова химия...

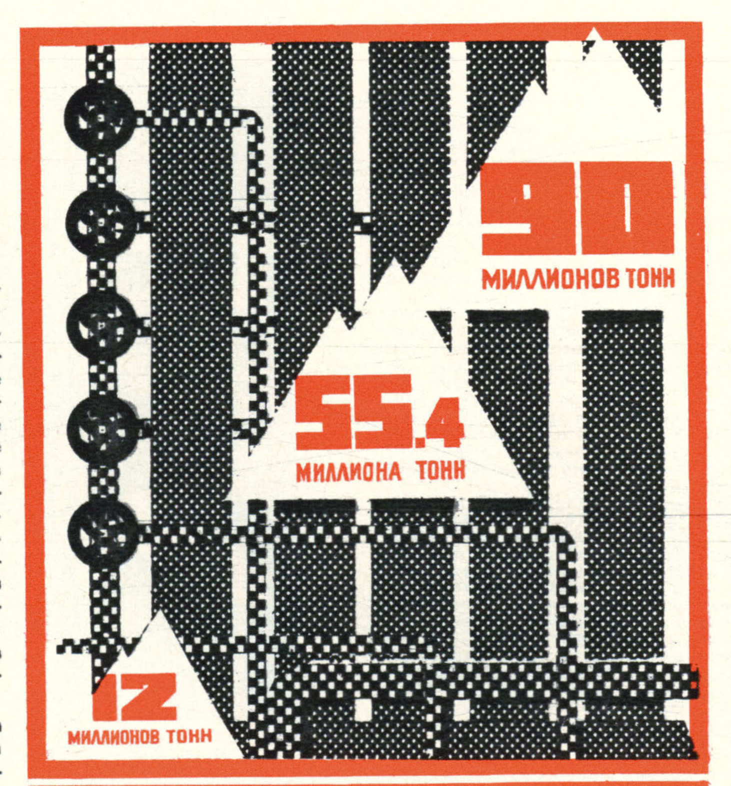
Она позволяет решить проблему комплексного использования природных богатств. Всего лишь из одного вида сырья — из природного газа, например, или из нефти — она дает сотни самых различных продуктов, даже отдаленно не напоминающих друг друга. В то же время один и тот же продукт химия способна производить из разных видов сырья.

На отходах черной, цветной, нефтяной, газовой промышленности все расширяется производство многих ценных продуктов органического синтеза, которые значительно уменьшают использование продовольственных продуктов — жиров, зерна, муки — в технических целях.

Пластические массы во многих случаях с успехом заменяют металл, а методы их получения несравненно более производительны. Переработка пластмасс — прессование, вакуум-формование, литье под давлением и другие — требует небольших затрат труда, само изготовление пластмасс длится минуты. Испорченные детали можно раздробить и отправить в переработку. Это свойство полимеризационных пластмасс и смол почти исключает отходы в брак. По сведениям, полученным из некоторых отраслей машиностроения, изготовление деталей из пластмасс требует в 3—8 раз меньше затрат труда, чем из металла, а число технологических операций снижается в 5—10 раз! Производство пластмасс легко автоматизируется.

Автоматизация вообще характерна для химической промышленности, а в некоторых случаях процессы в ней просто невозможны без автоматического управления. Войдите в огромные цехи современного химического комбината — они покажутся безлюдными. Вы увидите лишь небольшое число операторов, обходящих свои участки или следящих за ходом процесса с пульта управления.

ПРОИЗВОДСТВО МИНЕРАЛЬНЫХ УДОБРЕНИЙ

Сейчас процесс интенсификации усиливается, происходит резкое укрупнение мощности отдельных агрегатов и технологических линий. С 30—40 тысяч тонн аммиака в год мощность агрегатов повышена до 100—130 тысяч, скоро вступит в строй гигант на 450 тысяч, а в Государственном институте азотной промышленности уже разработана еще более мощная установка — на полмиллиона тонн годового производства аммиака. Использование этого агрегата позволит вдвое снизить себестоимость продукции, даст экономию затрат на эксплуатацию 19 миллионов рублей в год. Проект Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы предусматривает дальнейшее развитие химических производств за счет повышения единичной мощности агрегатов и установок, а также создание непрерывных технологических процессов.

Все эти примеры говорят об одном: химизация резко повышает производительность общественного труда. Это в полной мере относится не только к методам ее, но и к тем продуктам, которые производит химическая промышленность.

Применение их в самых различных областях привело к глубоким, качественным изменениям. Эти изменения основываются на исключительных свойствах химических материалов. Среди них можно назвать эластичность, высокую коррозионную устойчивость, термостойкость, большую прочность, малый удельный вес и т. д. Таких свойств в комплексе не имеет ни один материал, изготовленный из естественного сырья. При этом производство синтетических материалов не зависит от природных условий — от урожая, от погоды (сравните с шерстью, с хлопком!) и не так тесно связано с источниками сырья: воздух есть везде, а природный газ и некоторые продукты нефтепереработки легко транспортируются на большие расстояния. Между прочим, это свойство химического производства позволяет более гармонично размещать промышленность на территории нашей страны.

При внедрении продукции химической промышленности дело не сводится к простой замене дефицитных материалов — цветных металлов, например, или натурального каучука, или пищевого сырья, используемого для технических целей, и т. д., хотя и сама по себе эта замена дает высокий экономический эффект. Современная химия создает материалы с заранее заданными свойствами. Таких материалов никогда не было и не могло быть в природе. Их применение создает условия для стремительного развития таких отраслей, которые в наше время служат знаменем научно-технической революции,— атомной энергетики, радиоэлектроники, космических исследований.

В качестве примера можно привести большой класс кремнийорганических соединений, возникших в результате союза двух химий — органической и неорганической. За последние годы освоен выпуск этих «гибридов химии»: полимеров, эмульсий, жидкостей, каучуков, пластмасс и так далее. Они широко используются во всех отраслях народного хозяйства.

Наша промышленность, сельское хозяйство, строительство, наука нуждаются во все возрастающем количестве новых материалов и продуктов. И химики страны прилагают усилия, чтобы эту потребность удовлетворить. За три последних года освоено производство более 1 100 химических продуктов, материалов и изделий, более 1 500 химических реактивов и 140 биохимических препаратов.

Производство медикаментов тоже в значительной степени обязано химии. Витамины, антибиотики, лекарства различных составов и разнообразных предназначений ведут к повышению здоровья человека, продлению его жизни.

В распоряжении ученых, которые работают над синтезом новых соединений, поистине необозримое море возможностей: в их распоряжении вся менделеевская система элементов. Ушло в прошлое то время, когда многие элементы считались ненужными, бесполезными. На памяти одного, ныне живущего поколения древо химии дало мощные ветви, они обрастают новыми побегами, приносящими людям все новые плоды. Каких-нибудь 30—35 лет назад практически отсутствовало производство фторорганических соединений. На ВДНХ в павильоне «Химическая промышленность» сегодня вы можете познакомиться с продуктами фторорганики.

Сосуды и аппаратура, изготовленные из «Фторопласта-4», стойко выдерживают воздействие любых кислот и щелочей любой концентрации в очень большом диапазоне температур. В этом отношении они превосходят даже золото и платину, из которых до появления фторопластов приходилось изготовлять сосуды для хранения некоторых особо агрессивных жидкостей. Но это не единственная профессия новых соединений. В настоящее время судостроение, машиностроение, производство самолетов и автомобилей, медицина немыслимы без применения фторорганических продуктов.

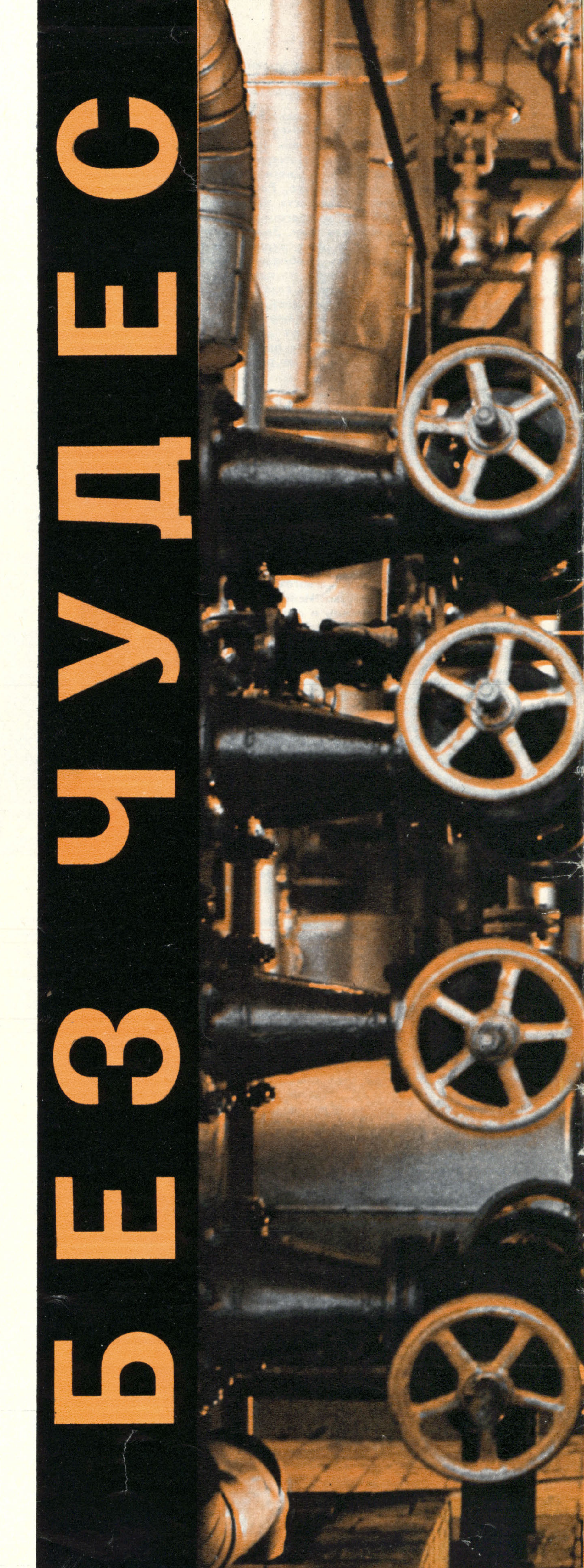
Смысл примеров, которые я привел — а их можно было бы умножить,— в том, что без химии сегодня невозможно стремительное развитие нашей страны. Вот почему химическая промышленность в истекшем пятилетии развивалась опережающими темпами. За эти годы капиталовложения составили 9 миллиардов рублей. Объем производства в 1970 году почти удвоился по сравнению с 1965 годом. Введены в строй крупные производственные мощности не только по удобрениям, но и по другим важнейшим видам химической продукции — по производству капролактама, полиэтилена, химических волокон, химических средств защиты растений и многих других органических и неорганических продуктов. Расширен ассортимент синтетических моющих средств, лаков и красок, товаров культурно-бытового назначения на базе химического сырья.

Главные, принципиальные направления, в которых будет развиваться химическая промышленность в новом пятилетии, намечены в проекте Директив XXIV съезда КПСС. Они, эти направления, вытекают из нашего общего понимания роли химии в условиях совершающейся научно-технической революции. Да, химия не мода, не кратковременное увлечение, а объективная необходимость.

И впредь наша химическая индустрия станет развиваться опережающими темпами. Будут построены новые заводы, цехи, реконструированы и расширены действующие предприятия. О размерах этой работы можно судить по тому, что капиталовложения в химию возрастут более чем в два раза по сравнению с восьмым пятилетним планом. Достижения науки, прогрессивные технические решения найдут значительно более быстрое применение в практике промышленности. При этом выпуск химической продукции увеличится в 1,7 раза, в такой же мере возрастет производительность труда.

Эффективность, высокая производительность труда, отличное качество продукции — вот три кита, основываясь на которых мы продолжим выполнение величественной задачи, поставленной в Программе нашей партии: «...всемерное развитие **химической** промышленности, полное использование во всех отраслях народного хозяйства достижений современной химии, в огромной степени расширяющей возможности роста народного богатства, выпуска новых, более совершенных и дешевых средств производства и предметов народного потребления».

БЕЗ ЧУДЕС

Ким БАКШИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Наши специальные корреспонденты

Что вспомнилось, когда крышка была приподнята? Сокровища капитана Флинта? Окованный сундук графа Монте-Кристо, наполненный до краев драгоценными камнями?

Передо мной сверкали россыпи рубинов, гиацинтов, александритов, аметистов, хризолитов, топазов — сотни, а может быть, тысячи камней. Искрились алмазной огранкой удивительные белые сапфиры. Голубели аквамарины — капли морской воды, перенесенные в эти далекие от моря края. «А это что? А это?» — то и дело спрашивал я, указывая на камни неизвестных мне расцветок, но мои спутники не всегда могли ответить на вопросы. «Для этих камней,— говорили они,—еще не придуманы названия».

Федор Степанович Дубовицкий вынимает из ящика камень такой величины, что, наверное, во времена Монте-Кристо он был бы целым состоянием, и протягивает его Александре Павловне Климовской. Та равнодушно откладывает его в сторону. Слышатся примерно такие реплики:

— А вот этот не годится?

— Это нехороший. Что-нибудь повеселее.

— Зеленый с зеленым не идет.

— Сюда нужен горячий цвет. Возьмите тот, желтенький...

— Меньше рубинов, меньше! Я вас прошу... А то похоже на ландрин.

Пока мой коллега фотографирует сокровища, рассыпанные перед ним А. П. Климовской, заместителем начальника цеха корундов, и Ф. С. Дубовицким, начальником лаборатории, есть возможность немного поразмыслить, как-то уложить в сознании то, что увидел.

Видится уходящий вдаль ряд огней, чем-то неуловимо напоминающий сияние свеч. Только это не фитили горят, а водородно-кислородное пламя. Две тысячи с лишним градусов нужно, чтобы началось чудо, раньше происходившее только в расплавах горных пород, в тех редких природных условиях, когда жар земной плюс окись алюминия сочетались с некоторыми примесями — хромом, ванадием, железом, титаном. И росли кристаллы необычайной красоты — темно-красные, зеленоголубые с винным отливом, густо-синие.

Теперь их выращивают в кристаллизационных аппаратах. Я видел это. На тонкий рубиновый стерженек, погруженный в пламя, почти незаметной струйкой сыплется и сыплется порошок. И постепенно в этом жарком инкубаторе примерно за шесть часов вырастает большой кристалл: пятьдесят граммов весом, а порой и более крупный.

Мне не хочется, чтобы у читателя создалось впечатление, что все так просто. Начальник цеха корундов Д. Н. Бирюков показал нам, как готовят порошок окиси алюминия, как удаляют из него вредные примеси, как просеивают его сквозь такие густые сита, что даже вода сквозь них не просачивается, как... Впрочем, любое тонкое производство требует тщательности, чистоты. Но все же мне показалось, что рождение огромного кристалла — очень капризный процесс.

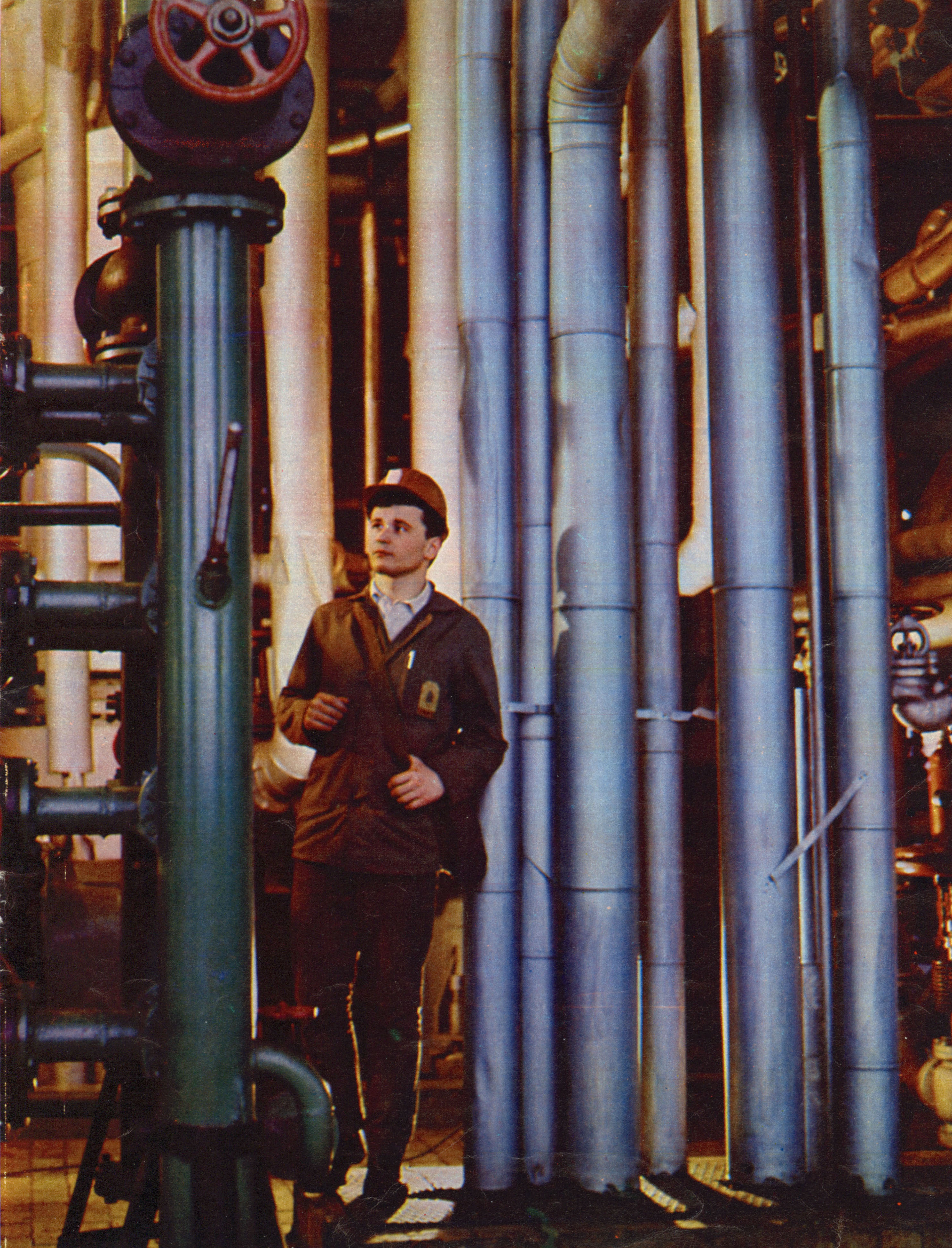
Почему при одной и той же скорости роста — 10 миллиметров в час — у одной аппаратчицы рубин получается больше, чем у другой? И качество лучше. На эти вопросы Лидия Алексеевна Зименкова, большой знаток всех тонкостей процесса, ответила мне целым рассказом о том, как можно зажать рост кристалла, а как, напротив, дать рубину расцвести, раскрыться, набрать полную силу. И хотя аппараты работают вроде бы сами, аппаратчицы при них должны обладать опытом, искусством, интуицией, знать, что рубин любит. Потому что порой даже дуновение ветра из неосторожно открытой двери образует волнообразное кольцо на кристалле, этакий наплыв, снижающий качество.

— Ведь, правда, искусственные драгоценности хуже настоящих? — задаю я невинный вопрос.

— Ну почему же?! — Лидия Алексеевна ревниво отвергает мое предположение.— Почему это они искусственные? Они такие же. Это шелк бывает искусственный, а рубины такие же. Та же формула, те же самые примеси. В природе никогда не было таких благоприятных условий, которые мы создаем. Да к тому же... причем здесь драгоценности? Наш цех делает главным образом рубины для часовой промышленности. «Рубин-10» получил Знак качества. Из килограмма — 60 тысяч камней, сколько это часов, подсчитайте! Эти прозрачные палочки лейкосапфира — нитепроводники идут в текстильную промышленность. Быстро бегущая, в современном производстве буквально мчащаяся нить, словно река в скале, промывает себе ложе даже в самых твердых сплавах металлов. Но наши корунды держат нить как ни в чем не бывало: их твердость — девятка (у алмаза — десятка).

Лидия Алексеевна — технолог производства цеха корундов. За

Щекино. Юрий Гетман, молодой коммунист, аппаратчик цеха капролактама.

Московский нефтеперерабатывающий завод. К XXIV съезду КПСС здесь будет пущена новая установка для получения высокооктанового бензина.

Это зерна плодородия — гранулированные удобрения нитрофоска.

Растут рубины...

Галина Артамохина на заводе синтетического волокна вырабатывает объемную пряжу «эластик».

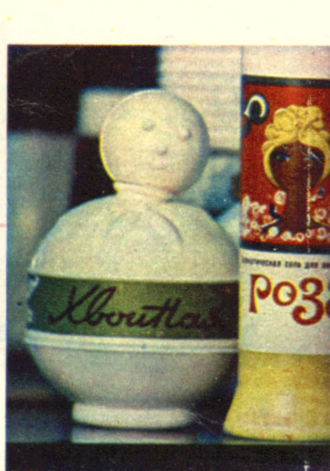

Дары химии.

двадцать лет работы после института здесь она осваивала александриты, топазы, аметисты. Эти самые нитепроводники. Внесла и осуществила огромное множество предложений, как облегчить работу у огнедышащих печей и сделать ее производительней. Ей присуждено звание «Лучший рационализатор Горьковской области».

Удивительная продукция цеха — всего лишь продукция, один из многих ее видов, которые выпускаются на Чернореченском химическом комбинате.

В этих местах еще в 1915 году недалеко от железнодорожной станции Растяпино был пущен завод, вырабатывавший лишь серную и азотную кислоту. По-моему, это символично, что современное производство рубинов поставлено как раз на месте первого дореволюционного подслеповатого цеха.

НОВОМОСКОВСК

Розоватая пустыня. Крупнозернистый песок. Следы с осыпавшимися краями—одинокая цепочка, уходящая к краю равнины. А там, на краю,— песчаные скалы, словно разъеденные ветрами, изрытые глубокими промоинами, готовые обрушиться.

Дикая, странная, марсианская какая-то картина.

Тем более странная, что пустыня находится под крышей, ограничена стенами. Но все это такой протяженности и такой высоты, что, право, привычные слова «стена» и «крыша» как-то не идут для описания того, что видишь. В воображении рисуется полигон, где имитируют условия иной планеты.

Вот впереди, вдали, что-то сдвинулось, медленно приближается какая-то наклонная эстакада. Только вблизи понимаешь, что это устройство десятками скребков снимает верхний слой почвы и отправляет его куда-то вниз, в глубокую траншею. В то же время сверху, откуда-то с потолка, сыплется и сыплется песок.

Беру в руки горсть мелких, чуть розовых зерен, напоминающих тусклоаатые речные жемчужинки. Юрий Иванович Кочемба, заместитель начальника цеха сложных удобрений, подтверждает: да, это та самая нитрофоска. В этих зернах — три основных элемента — азот, калий, фосфор, которые необходимы пшенице, хлопку, яблоне — всякому растению. А песчаная пустыня вокруг нас таит неисчислимое плодородие.

В сопровождении Кочембы мы долго ходим по безлюдным цехам мимо труб, реакторов, огромных, грохочущих, тяжко вздыхающих барабанов. Поднимаемся по лестницам, пересекаем галереи, идем параллельным курсом с резиновыми движущимися лентами, на которых насыпана еще теплая нитрофоска. И, наконец, в Центральном пульте управления у светящейся огнями схемы мы начинаем постигать неисповедимые пути, какими в огромных цехах идет соединение калия, фосфора, азота, образование жемчужных зерен нитрофоски — этих сокровищ урожая.

Пульт управления и своей гулкостью и тишиной напоминает выставочный зал. По стенам, как картины в рамках, развешаны контрольно-измерительные приборы. Медленно, незаметно вращаются в них бумажные ленты. Самописцы прямо на глазах рисуют картины интимной жизни химических реакций. В эти узоры задумчиво вглядываются люди, переходя от одной картины к другой. Это рабочие. Такая у них работа.

Такая и у нее работа. Старший аппаратчик цеха полихлорвиниловой смолы Роза Тихонова в 15.45 начала принимать смену у Галины Цветковой. Поговорила с ней. Перелистала журнал. Все в порядке. Сходила в диспетчерскую. Давления, температуры, уровни — все в норме, нет вопросов. Смена принята. Роза осталась одна. Прошлась по своему хозяйству, простучала каблучками по железным лесенкам, осмотрела воздушки, задвижки, заглянула в подсвеченные лампами окошечки в трубах— течет жидкий хлорвинил.

Полихлорвинил широко используют в машиностроении, автомобильной промышленности, в домостроении. Полихлорвиниловая электроизоляция заменяет металлы — свинец, например. Вспомним привычную нам полихлорвиниловую ленту. Сумки, плащи, искусственную кожу, линолеум. Все это берет начало в трубах, которые пронизывают несколько этажей цеха. От того, какой чистоты будет тугая гнутая струя, льющаяся за толстым стеклом, зависит качество всех последующих продуктов — тех, которыми мы привычно пользуемся.

Почему депутат Верховного Совета СССР Роза Тихоновна Тихонова считается одной из лучших работниц Новомосковского химкомбината? Наверное, можно понять это, если вот так в тишине вечерней смены, в безлюдье молчащего цеха побыть рядом с ней. Посмотреть, как мягко, осторожно, я бы сказал, вдумчиво и строго движется мимо гигантских колоннад эта молодая, ладная, светлоглазая женщина. Прислушаться к безмолвному диалогу человека и машины, хотел я сказать. Нет, сложнее: Человека и Процесса. Процесса сложного превращения веществ в этих колоннах и аппаратах.

Роза Тихоновна Тихонова вслушивается в мельчайшие шорохи, всплески, которые доносятся до нее из замкнутых блестящих колонн. Она умеет предугадать, что е й надо. Кому «ей»? Хлорвинилу, жидкости? Почему-то сама с собой Тихонова называет Процесс в женском роде. Она чувствует, знает, как он идет. «Может быть, погреть «ее» или дать «ей» побольше простора?..» В этой верности взгляда сконцентрированы опыт, знания, накопленные за много лет.

...На следующее после вечерней смены утро Роза Тихонова отправилась по своим депутатским делам, а мы совершили поездку по Новомосковскому химическому комбинату.

Утро солнечное, с легким туманом. С дальней музыкой, которая давала ощущение простора. С красными флагами на серебристых колоннах, словно летящих в тронутом синькой небе.

По комбинату ходить невозможно: слишком далекие концы, слишком много цехов. Новомосковский химкомбинат — дитя довоенных пятилеток, дитя, выросшее, возмужавшее, один из гигантов советской химической промышленности.

Мы побывали в цехе коммунистического труда ДМТ — так сокращенно называют диметилтерефталат. Видели, как в десятках километров труб без всяких поэтических зефиров струится эфир и наконец получается чистейший, удостоенный Знака качества ДМТ— мы все с ним заочно знакомы: лаки, эмали, а главное — лавсан изготовляют из ДМТ.

В диспетчерской — там, где горит огоньками пульт управления, стоят в почетном строю знамена: цеху — победителю соревнования, посвященного XXII и XXIII съездам партии, знамя братства из Болгарии, из города Ямбола, подарок родственного предприятия, для которого новомосковцы готовили специалистов, куда ездили на пуск установки ДМТ и с которым и ныне находятся в дружбе и в соревновании.

В заключение нашего путешествия по комбинату мы встретились с его руководителями и с приехавшим из Москвы Григорием Семеновичем Козловым, заместителем начальника «Союзазота».

Григорий Семенович был на комбинате в тяжелую военную годину, когда своими руками пришлось взорвать огромное производство, чтобы не досталось врагу. «Рубильник включили — и только пыль осталась!» — вспоминает Козлов. Вместе с другими коммунистами он ушел в подполье. А когда 11 декабря 1941 года выгнали немцев из города, начали восстановление.

Дети, женщины расчищали руины комбината, строили... Через год было пущено производство метанола, 75 человек получили награды правительства СССР. Вскоре заработал аммиачный комплекс.

Григорий Семенович хорошо знает Розу Тихонову. Не только она, но еще шесть ее сестер и братьев работают в различных цехах Новомосковского комбината — целая династия Тихона Сергеевича Прокошина, который отдал всю свою жизнь химии и привел детей к своему любимому делу.

Мы возвращаемся в город, едем мимо светящихся громад цехов. Где-то там кусок розовой пустыни — склад нитрофоски. Сколько за день в него насыпалось удобрений? Сегодня снова в вечернюю смену работает Роза Тихонова, дочь Тихона Сергеевича, где-то здесь и ее цех.

— Да, Тихон Сергеевич был у нас самым многосемейным на комбинате,— говорит Козлов.— Работал машинистом на компрессионной установке, потом мастером. Небольшого роста... Цветы очень любил. Но разводил их не дома, а на комбинате, у цеха, где работал. Такой был старик...

50 и 1

На столе горят свечи — медведи, елочки, груши, трубочист, гном. За ними возвышаются квадратные красавцы «Суздаль», «Русские кружева» и еще свеча с голубыми парусниками на боках, название которой я не помню.

Живые, веселые огоньки трепещут от наших движений. Александра Демьяновна Феофанова удивленно рассматривает свои любимые творения. Словно бы она впервые взглянула на них не как мастер свечного цеха, а нашими восхищенными глазами. Действительно красиво!

В этом цехе, затерянном среди новостроек Москвы, в его более чем скромном помещении, где трудно наладить массовый выпуск красивых свечей, мне вспомнилось другое производство — тоже сугубо бытовых предметов.

Они тоже стояли на столе — высокие цилиндры, напоминающие свечи классической круглой формы. Эти цилиндры с недавнего времени все чаще можно увидеть в магазинах, хозяйки к ним все еще приглядываются, но продавцы все чаще слышат: дайте, пожалуйста, аэрозоль.

Директор комбината химических товаров в городе Новомосковске Николай Михайлович Стеблев пододвинул к нам аккуратные аэрозольные цилиндры. И мы смогли сами познакомиться с продукцией комбината 1971 года.

По разговору со Стеблевым чувствуется, что его стремительно развивающееся производство — а комбинат, кроме аэрозолей, выпускает фотохимикалии, а также моющие, чистящие средства, порошки и пасты — тесно связано с запросами покупателей, зависит от них. И это заставляет специалистов постоянно задумываться над освоением новой продукции. В частности, над новым заполнением для аэрозольных баллончиков. Разве не удобнее, например, шампуни для мытья головы сделать аэрозолями? А составы, красящие волосы? А полирующие средства для мебели? А моющие средства? Представьте, где-нибудь в командировке вы можете обрызгать загрязнившуюся сорочку и затем высохшую — почистить. Минутное дело, не надо стирать. А может быть, аэрозоли окажутся полезными и для пищевых продуктов? Скажем, освежающие, тонизирующие напитки. Как удобно в дороге!

Аэрозольное производство для комбината — дело совсем новое. Еще несколько месяцев назад были частые простои, неполадки, но теперь дело налаживается, комбинат дает 45 тысяч баллончиков в сутки.

Редко мне приходилось видеть такое сложное, точное, автоматизированное производство. Аэрозоль собирают, как автомобиль, только нет ручного труда. На разных поточных линиях автоматы изготовляют и собирают отдельные детали, потом ручейки сливаются и рождается аэрозоль.

Пятьдесят сверхсовременных станков работают ради одного баллончика...

ЩЕКИНО

При въезде в город Щекино за несколько сотен метров до проходной химического комбината мы прочли транспарант: «Людей меньше — продукции больше». Ну, конечно, щекинский эксперимент. О нем нам говорили в Новомосковске. На Новомосковском комбинате с успехом переняли опыт щекинских химиков: за два года сократили две тысячи человек, постоянно вводят в строй новые цеха, а добавить им новых людей не просят: перераспределяют рабочую силу внутри предприятия.

Юрий Михайлович Шатохин, заведующий отделом научной организации труда Щекинского химкомбината, считает, что его предприятие вступило в следующий, гораздо более трудный период — развитие вглубь. Только внедрение новой технологии, достижений науки, дальнейшая модернизация оборудования, автоматизация помогут вести дальше щекинский эксперимент.

...Мы стоим на железном балкончике, прилепленном к стене цеха. С серого неба сыплется дождь со снегом. Но Вениамин Михайлович Лебедев, начальник цеха, не замечая непогоды, с видимым удовольствием смотрит, как в жерло железнодорожной цистерны течет жидкий, горячий капролактам.

Капролактам — это капрон во всех его видах: синтетическое волокно — шелк, шерсть, мех. Это шины с капроновым кордом. Ленты для транспортеров. Рыболовецкие сети, канаты. Многие и многие изделия, заменяющие цветные и черные металлы.

На балкончик мы вышли из гудящего цеха капролактама, где снова я видел трубы, колонны, реакторы — сложнейшие превра-

щения одних веществ в другие — новые, обладающие заранее заданными полезными свойствами. И все это происходит по законам химии-органики. Я уже почти привык к безлюдью цехов, к лабиринтам труб, к их органному гудению, к их серебристому нержавеющему блеску. Они и вправду напоминают орган.

Орган и органика. В этом созвучии есть смысл. Стройность, согласованность звуков, чудо мелодии, которую рождают потоки воздуха, мчащиеся в трубах органа. Гармония превращений, чудо перестраивающихся веществ, научная стройность процесса, которую рождают потоки струй в этом орга́не XX века. Не надо забывать только, что в обоих случаях сидит за пультом человек. Вслушивается в стихию звуков. Мастерски управляет течением мелодии.

Если надо кратко сказать, что поразило меня в наших путешествиях по химическим предприятиям, вот ответ: сложность. Какими сложными путями, с помощью какого совершенного оборудования добываются самые обыденные, самые нужные нам всем вещи, материалы.

В тот же вечер в Щекине мы попали в цеха завода синтетического волокна, расположенного неподалеку от комбината. Сюда поступает часть капролактама, который я видел в цехе у Лебедева. Здесь, на молодом заводе синтетического волокна, с капролактамом происходят дальнейшие превращения, пока из мельчайших отверстий под давлением 60—70 атмосфер не начинают вытягиваться тончайшие шелковинки. Их наматывают на катушки, еще раз вытягивают, сплетают с другими нитями. Затем на специальной машине нить слегка перекручивают и в таком виде нагревают, чтобы, остыв, она сохранила крученую форму. И затем снова перекручивают. Нить становится объемной.

Теперь сматывают несколько нитей в одну и так далее, пока не получатся мотки замечательной пряжи «эластик», из которых можно связать красивые кофточки, шапочки.

Как часто мы пользуемся предметами, не задумываясь над тем, как они сделаны, как произошли на свет. Как быстро привыкаем к чудесам, перестаем их замечать. А ведь мы буквально со всех сторон окружены вещами, само появление которых совсем недавно, на памяти одного поколения было открытием.

Правда, для этого надо построить Новомосковский гигант-комбинат. Или Северо-Донецкий. Или Невинномысский. Или Щекинский...

Есть природа, которая нас окружает. Мы должны защищать ее от вредных воздействий. От загрязнения и неумной траты ее богатств. Но нам не хватает того, что дает природа. И будет не хватать в еще бо́льших количествах. И человек создает на наших глазах вторую природу.

В органно гудящих колоннах и трубах, в бесконечном вращении веретен, во всем сложном мире современной химии — обильные всходы новых урожаев, миллионоголовые стада овец, потайная жизнь шелкового кокона, рост рубина, огненные плавки металлов и еще очень многое, что невозможно перечислить здесь, а очень часто — найти в природе.

Ия МЕСХИ

 е с

В городе Гори, в Музее боевой славы, есть зал, где почти не смолкают в записях фронтовые песни, а со стен, увешанных фотографиями (тысячи их!), смотрят лица не вернувшихся с войны земляков: четыре брата Долаберидзе, три брата Окропиридзе, три брата Беставашвили, отец и сын Троцко, брат и сестра Иосебидзе... Я смотрю на сестру, о которой много слышала. Ее звать Тина, полное имя Тинатин. Черные глаза выражают открытость, ум, легкую иронию — то, что нужно для характера. Откуда она? Из Тортизы.

Еду в Тортизу. Типичное горийское селение: места долинные, широкие, линии холмов мягки, пашни и сады. Но вдали высокие горы. И бежит через Тортизу Меджуда — маленькая неглубокая речушка, полная белых голышей. Здесь, на Меджуде, выросла Тина — вожак молодежного звена, колхозный комсомольский секретарь. Скромный, в одну комнату с верандой дом, в котором жила вся семья: мать с отцом и пятеро детей. Сейчас живет сестра Вера, агротехник «Красной Тортизы». Тут же, в колхозе, другой брат Тины, Иосиф, тоже участник войны. Пытаемся вместе восстановить события.

Тина ушла на фронт в первые дни войны. Незадолго до этого перебралась в Тбилиси, поступила в медицинское училище и кое-что уже знала о первой медпомощи. Ей шел 20-й год. В дело она попала на Черноморском побережье, в частях морской пехоты. В августе ранили. Лежала в госпитале в Тбилиси. Перед тем, как вернуться в часть, приехала домой с двумя русскими подружками — показать им Тортизу, а Тортизе показать себя в военной гимнастерке и берете с красной звездой.

В 1942 году все больше переписывалась со своим старшим братом, Ленто. Он перед войной окончил институт, получил диплом инженера-механика, однако пришлось командовать ротой. Сохранилось письмо, которое Ленто переслал родным. В нем Тина радуется тому, что весть от брата передали ей прямо в окопы.

«Последнее время,— пишет она,— все на передовой. Принимала участие во многих боях. Но то, что пришлось пережить в эту неделю, трудно описать. Руководство полка отметило мою работу и, как мне сообщили, представило к награде. Но самая большая награда, мой дорогой брат, солдатские слова: «Спасибо, сестра. Вечно буду тебя помнить!..» Эти слова я часто слышу от раненых, которых провожаю в медсанбат. Мой братик, знай, что ты никогда не будешь за меня краснеть!»

Письмо от 15 мая 1942 года. А в декабре Тину снова ранило, и после госпиталя ей выпало счастье получить назначение туда, где командовал ротой Лаврентий Иосебидзе. Но счастье короткое. В одном из жестоких боев он был смертельно ранен и скончался у Тины на руках.

Она продолжала шагать, и все по переднему краю, там, где пули свистят, где ждут ее умелых рук. Вот уже бои под Гомелем. Третье ранение. Написала домой из госпиталя, что повреждены рука, бедро и бок, ходит на костылях, но скоро все заживет. И зажило, конечно.

В январе 1944 года на разрушенном гитлеровцами Брянском вокзале ее видел земляк. Он отправлялся со своей частью в тыл, а старшина медслужбы Тина Иосебидзе везла девушек-санитарок на фронт — 1-й Белорусский. К перрону подали железнодорожные составы. Тина торопливо вытащила из кармана гимнастерки синюю записную книжку, надписала: «На память Алексею»,— вручила и исчезла за снежной пеленой. Когда она прибыла к месту назначения, ей предложили работать в прифронтовом госпитале: три серьезных ранения и столько военных дорог, надо бы теперь полегче... Но Тина попросилась на передовую.

С этого времени, с февраля 1944 года, известна часть, в которой она стала служить. А если так, то можно ведь порыться в военных архивах? Оставляю Тортизу и еду в подмосковный городок Подольск, в Архив Министерства обороны СССР. Хочется использовать все возможности, чтоб узнать, как она жила в этот год войны.

Она читала вот эту красноармейскую газету «Боевой темп». Если не от корки до корки, то, во всяком случае, прочла заметку сержанта А. Циперовича. Заметка о ней, о том, как она идет «в самые опасные места боя, чтобы вынести раненых». «Честь и хвала мужественной и самоотверженной санитарке Тине Иосебидзе!» — так заканчивается заметка. Прошел всего лишь второй месяц службы в новой части, а ее уже приметили.

Дивизия с боями продвигается по Белоруссии, форсирует реки, вбирает в себя бойцов партизанских отрядов. На подступах к Бобруйску идут тяжелейшие, кровопролитные бои. Об этом я читаю в докладе комиссара дивизии.

За эти бои приказом по дивизии старшина медслужбы, санитарка 2-го стрелкового батальона Тина Давидовна Иосебидзе награждена орденом Красной Звезды. Но 24 июля она снова участвует в наступлении на железнодорожный узел и станцию Черемху, перевязывает и выносит с поля боя 16 тяжелораненых бойцов и офицера. Где они, эти 17 мужчин? Живы ли? Помнят ли девушку, которой говорили: «Спасибо, сестра!..» Участие Тины в этом бою отмечено медалью «За отвагу».

Часть отводят на отдых. И вот однажды идет по лесной дороге корреспондент армейской газеты Анатолий Белошеев и слышит песню на незнакомом ему языке. Он сворачивает в лес... Впрочем, пусть он расскажет сам. Я цитирую фронтовые воспоминания А. Белошеева, по-

---

ПЛЮС ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Белые халаты, сосредоточенная тишина... Мы идем вдоль конвейера Первого московского часового завода. Секретарь парткома завода В. Г. Гаврилов среди лучших сборщиц называет Лиду Коростелеву, комсомолку, ударницу коммунистического труда. Ее портрет вы видите на обложке нашего журнала.

В руках работниц сложнейшее оборудование, электронные приборы. За годы прошедшей пятилетки производительность труда на заводе увеличилась почти на 45 процентов, а фонд материального поощрения вырос более чем в два раза.

— Но не только техника, не только новые методы планирования и экономического стимулирования помогли нам,— говорит секретарь парткома.— Вот уже несколько лет у нас работает группа социологов. Социологические исследования позволяют нам выяснить взгляды, характеры, настроения тысяч людей, работающих на заводе, выявляют тенденции развития коллектива.

О том, какие операции на наших автоматических линиях утомляют рабочих, кажутся им однообразными, мы узнали только после проведения социологических исследований по проблеме отношения рабочего к труду. После этого мы автоматизировали некоторые из этих операций.

С помощью социологов мы смогли лучше узнать наш коллектив. В частности, ответить на очень важный вопрос: что движет людьми в их работе, что привязывает их к нашему предприятию.

т р а

явившиеся спустя 13 лет после окончания войны в газете Белорусского военного округа «Во славу Родины».

«На лесной поляне у говорливого ручья сидела девушка. К ее строгому, задумчивому лицу с густыми черными бровями и такими же черными, как южная ночь, глазами, тонким, с горбинкой носом и упрямой ямочкой на подбородке на редкость шли пилотка и вылинявшая от фронтовых ветров и частых стирок гимнастерка. Признаться, такого красивого солдата мне еще не приходилось встречать. Завидев меня, девушка было умолкла, но тотчас запела снова, словно никто и не нарушал ее одиночества. На ветвях ближних кустов сушились только что постиранные носовые платки, подворотнички.
— Ты кто такая? — не зная, с чего начать разговор, как объяснить свое неожиданное появление, спросил я.
— Сулико,— просто ответила девушка.— А ты кто?
Я назвал себя. Сулико понимающе улыбнулась.
— Тебя проводить к командиру? Нет? Как знаешь... А нашу часть отвели на отдых, вот мы, видишь, приводим себя в порядок.
— О чем ты пела, Сулико?
Девушка с хитринкой взглянула на меня, тряхнула коротко постриженными кудряшками, рассмеялась.
— В газету написать хочешь?
Мы разговорились...»
Это она, Тина. Анатолий Белошеев, как и многие на фронте, называет ее Диной. Ну, а кроме того, ее прозвали, как в грузинской песне,— Сулико, Душенька.

А война продолжалась уже на польской земле. В январе 1945 года дивизия сражалась за освобождение Варшавы. Я снова листаю подшивку дивизионной газеты «Боевой темп». Нахожу еще одну заметку о Тине — «Девушка из Грузии». Пишет однополчанин Иван Андреев:

«...Однажды был такой случай. Дина Иосебидзе находилась вместе с наступающими стрелками. В этом бою ранило командира взвода. Дина поспешила к нему. Оказав помощь раненому командиру, она стала выносить его в безопасное место, но по пути к медпункту сама получила ранение. Несмотря на это, Дина не бросила раненого, а, превозмогая боль, доставила его на медпункт... У нее на груди ордена Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, медали «За отвагу», «За оборону Кавказа» и семь нашивок — почетные знаки воина, пролившего кровь за свою любимую Отчизну...»

Наступил апрель. Дивизия двигалась уже по дорогам Померании. Вот тоненькая тетрадь в клетку. План работы полкового бюро ВЛКСМ. Темы бесед с комсомольцами: «Бдительность — железный закон войны», «Трус и паникер — худший враг в бою», «Пользование гранатой в обороне». Почему такие темы? Ведь враг уже отброшен к самому своему дому?! Но в томто и дело, что последние десятки километров перед Берлином отнюдь не были прогулкой под звуки фанфар, как это могло показаться...

В ночь с 12 на 13 апреля, передав свой участок, дивизия выступила на марш. Шли 80 километров и сосредоточились в лесу на берегу Одера. 15 апреля в этом лесу дивизии вручали

боевые ордена: Красного Знамени и Суворова 2-й степени. 18 апреля дивизия начинает марш в новый район сосредоточения. В этот день Тина пишет письмо домой: «Дорогие родители! У меня все хорошо, и обо мне не беспокойтесь. Война скоро закончится нашей победой, и знамя этой победы поднимется над Берлином. Это письмо я пишу на подступах к Берлину...»

19 апреля дивизия начала штурм вражеских укреплений на реке Альт-Одер. 20-го перешла в наступление, форсировала. До 23-го шла с боями, занимала населенные пункты и вышла к каналу Гогенцоллерн. Но нас сейчас интересует батальон, в котором служила Тина. Обратившись к полковому журналу боевых действий, узнаю, что в районе канала неожиданно создалось острое положение, и 2-й стрелковый батальон вместе с кое-какими подкреплениями, перейдя на тот берег, занял указанный ему участок обороны. Это было 24 апреля в 14.00. С левого фланга должно было стать подразделение из другого полка. Но оно не подходило, и над 2-м батальоном нависла угроза. Бойцы, высланные к нему на помощь, не смогли переправиться через канал из-за сильного обстрела.

«...В 6.45 25 апреля,— фиксирует журнал,— противник превосходящими силами перешел в наступление на 2-й стрелковый батальон... Батальон был расчленен, и противник вышел в тыл батальону... В 7.15 командир 6-й стрелковой роты, включившись в батальонную линию связи, доложил, что он отходит, ведя бой в районе переправы...»

Было раннее утро, солнце еще не поднималось, но уже чуть брезжил рассвет. С отчаянием смертников гитлеровцы приближались к переправе.

Бои на Гогенцоллернканале были самыми последними. После них кончились записи в полковом журнале боевых действий. Они, эти бои, унесли с собой жизни. Без этого не бывает. Но гибель в последнем бою кажется особенно несправедливой...

В списке Безвозвратных Потерь Калинковичской Краснознаменной и ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии записано:

Иосебидзе Дина Давидовна, старшина-санинструктор, член ВЛКСМ
Утонула 25. 4. 45.
Канал Гогенцоллерн. Германия.

Ее милая речушка Меджуда, как далеко Тина была от нее!

Но что значит — утонула? Оступилась? Упала, сраженная пулей? Была сброшена подлой рукой?

...Журналисту Анатолию Белошееву, тому самому, который встретил Тину вторично, уже в Германии, незадолго до боев на канале, удалось установить, как это было.

«До последней минуты,— пишет он,— боевые друзья видели Дину на переправе. Под сильным огнем противника она перевязывала раненых, помогала им садиться в лодки. Когда наши подразделения в основном уже переправились на противоположный берег, несколько фашистских танков с десантом автоматчиков на броне прорвались к месту переправы. «Рус, сдавайся!» И гитлеровцы бросились к последней надувной лодке, где находились комбат и связисты. «Дина, прыгай скорее в лодку!» — позвали товарищи. Но было уже поздно. Чтобы выиграть время и дать возможность лодке уйти, Дина сильным движением оттолкнула ее от берега, а сама осталась одна, совсем одна среди фашистских автоматчиков. Выросшая в горах, девушка не умела плавать. Но она и не подумала сдаваться в плен. Швырнув в гитлеровцев последнюю гранату, Дина крикнула товарищам в лодке: «Прощайте, друзья!» — и кинулась в холодную черную воду канала...»

Вот все, что я узнала о грузинской девушке, чей портрет увидела в Гори, в Музее боевой славы. В ней действовало одно страстное убеждение, что она живет для раненых бойцов, которых надо спасать, для всех, но только не для себя. Она была военной медицинской сестрой. Да будет вечна память о ней!

Социологи помогли партийной организации, нашему парткому совместно с руководством завода разработать пятилетний план социального развития и план реконструкции завода. В них выразились наши прогнозы роста всего коллектива. В них нашли свое отражение такие, казалось бы, разные и по характеру и по значению факты заводской жизни, как автоматизация, внедрение электронно-вычислительной техники и сокращение времени, которое наши работницы затрачивают на покупку продуктов, на путь до завода.

В пятилетке мы построим несколько заводских корпусов, оснастим их новейшей техникой. Внедрим АСУ — автоматизированную систему управления с применением электронно-вычислительных машин.

Предусматриваются и большие социальные преобразования. Разработан, в частности, проект микрогородка для рабочих. В пяти минутах ходьбы от завода вырастет несколько шестнадцатиэтажных жилых зданий, Дворец культуры и спорта, плавательный бассейн, магазины.

Коллектив, у которого всегда хорошее настроение, здоровый психологический климат помогает человеку трудиться добросовестно, инициативно, производительно.

Б. ВИНОКУР

СВЕТЛО НА СЕРДЦЕ И В ДОМУ

Изба приветами тепла,
Не толщиною бревен.
Хозяйка ласкою светла —
И малый дом просторен!

Светло на сердце и в дому
При маленьких оконцах;
Темно бывает одному,
Хоть в окнах много солнца!

Марина СТЕПАНОВА

Фото
Л. ШЕРСТЕНННИКОВА.

...Город еще спит, только первые троллейбусы появились на пустынных улицах, но приземистое каменное строение на Комсомольском проспекте уже освещено, и двери его открыты. Каждого входящего в этот дом охватывает сразу же запах теплой земли, подопревшей соломы, кожи, лошадиного пота. Мощные лампы освещают покрытое опилками прямоугольное поле, на которое конюхи выводят застоявшихся за ночь лошадей. Это манеж, и каждое утро здесь вы можете встретить стройную черноволосую женщину, с тем чтобы несколько часов спустя увидеть ее и на университетской кафедре и за лабораторным столом. Так складывается день чемпиона мира по выездке, серебряного призера Мексиканской олимпиады, преподавателя Московского университета, кандидата биологических наук Елены Владимировны Петушковой.

— Елена Владимировна! Думаю, что каждого читателя будет интересовать вопрос: что такое выездка?

— Выездка — это как бы фигурная езда на лошади. В основе этого спорта — естественные движения лошади, те движения, которые вы можете увидеть, наблюдая ее на воле. В отличие от цирковой лошади спортивная должна действовать не по заученной программе, а мгновенно реагируя на приказания всадника. Это требует большой работы спортсмена с его конем, ежедневной, без выходных дней.

— И вы нашли общий язык с Пеплом?

— Конечно. В ином случае я никогда не смогла бы добиться победы. Мы с Пеплом большие друзья.

— А как вам удается сочетать спорт с научно-преподавательской работой, если он отнимает столько времени?

— Мне повезло, ведь в конном

Елена Петушкова.

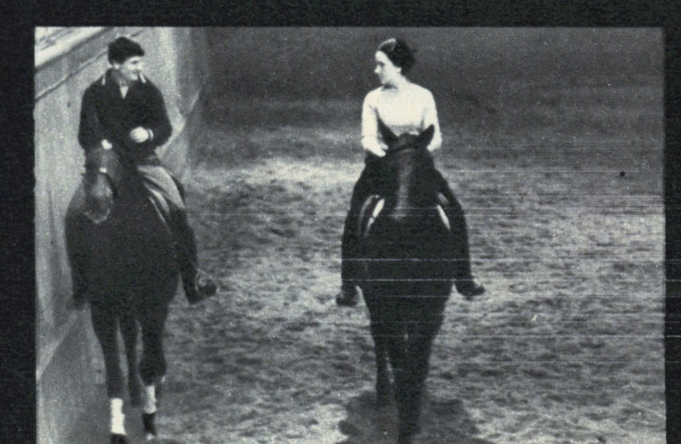

Круг за кругом.

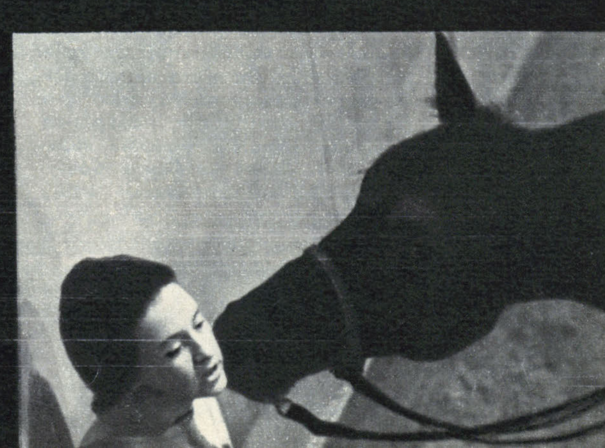
ОД КОНЕМ

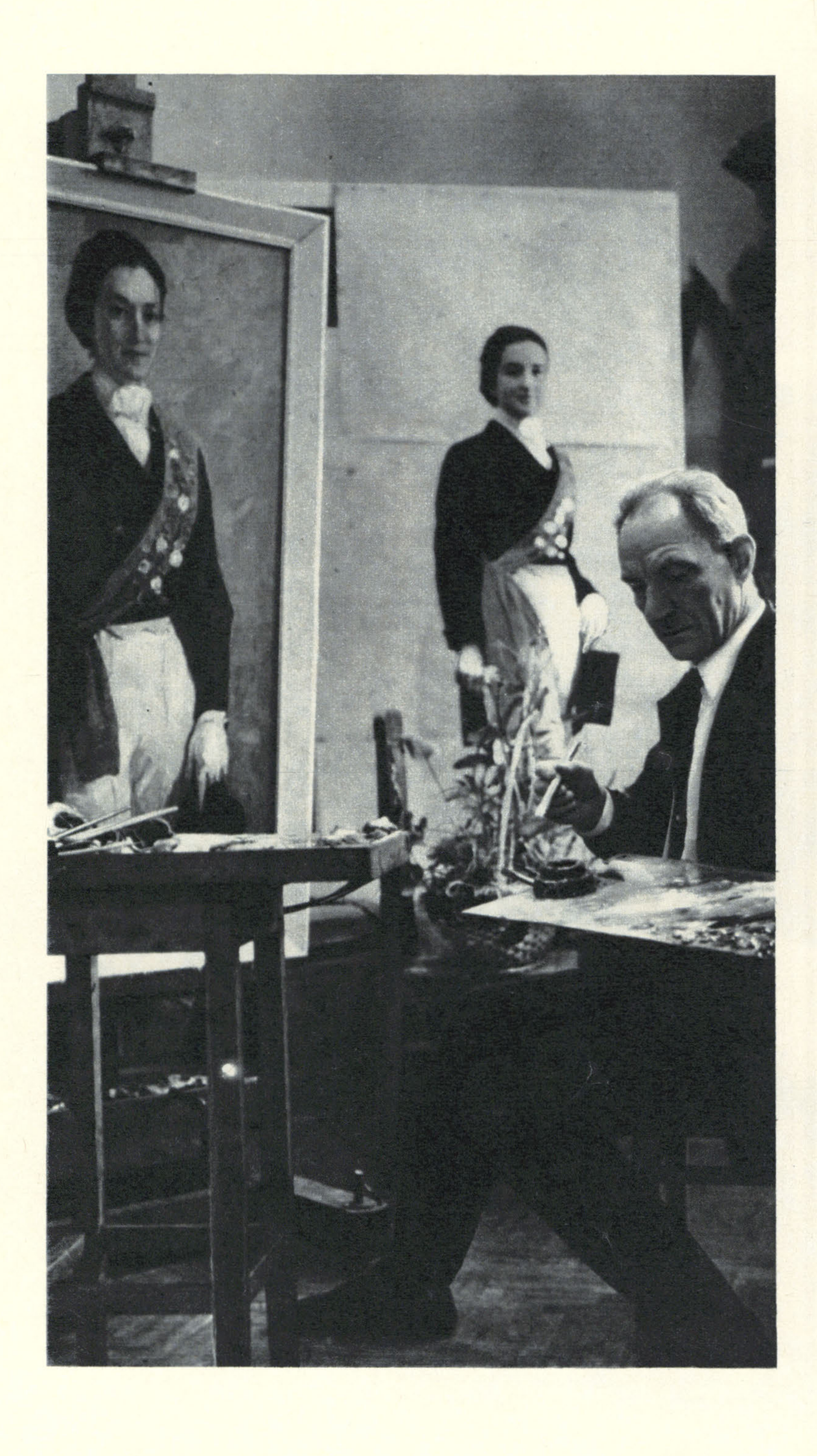
Григорий Терентьевич Анастасьев — тренер Елены Петушковой.

Разминка.

Пепел благодарит.

спорте тренировка проводится ранним утром. Правда, для этого приходится вставать ни свет, ни заря и рабочий день растягивается с утра до вечера. Но зато это позволяет мне сочетать спорт с работой. Главное время отнимает у меня работа, которую я люблю, без которой не мыслю своей жизни.

— Вь времена древних греков конный спорт был уделом мужчин, и только воинственное племя амазонок ни в чем не уступало смелым наездникам и даже превосходило их. А как сейчас? Можно ли считать, что конный спорт — женское дело?

— Современные амазонки доказали, что любой спорт вполне им по плечу. Да и что не по плечу нашей женщине? Я считаю, что стрельба, фехтование, подводное плавание — вполне женские виды спорта. И разве не бок о бок с мужчинами мы отстаиваем нашу спортивную честь и на конноспортивных соревнованиях?.. А иногда даже обгоняем их.

В мастерской заслуженного художника РСФСР А. И. Плотнова.

•

Уже зажигаются окна.

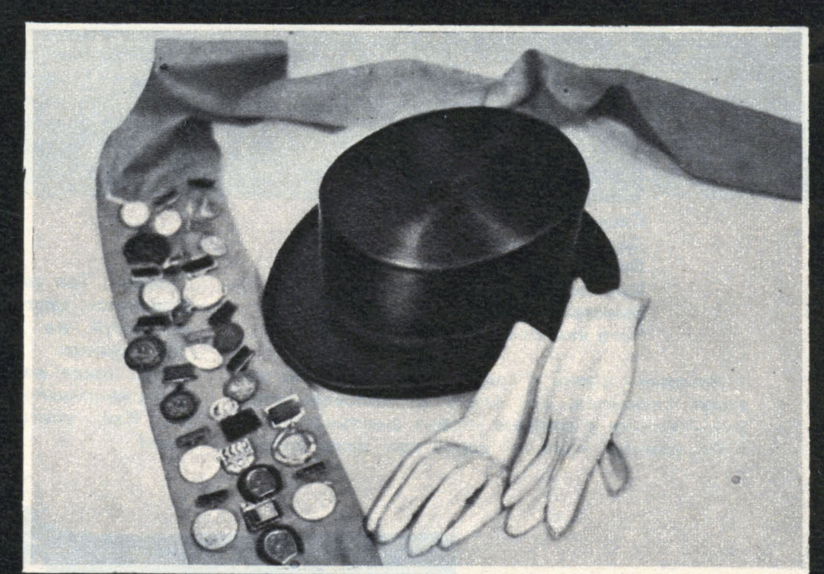
•

Консультация.

•

Перерыв.

Антонина КЫМЫТВАЛЬ,
чукотская поэтесса

Я люблю тебя, Чукотка!

ОЛЕНЬ

Вот погодка стоит! Не устанешь дивиться. Вопрошает каждым лучиком: «Что, хороша я?» Словно радость у природы случилась большая, и ей не терпится с людьми поделиться.

На Пекульнеях дивное диво — эта вот нежданная теплая ласка. Обычно здесь хмурится холодина, здешний климат зубами клацает. Тучи летают то вместе, то врозь, ветер, как недруг, толкает в грудь — хочет тебе душу продуть насквозь, хочет все на свете перетряхнуть...

А люди излучают тепло и свет: в наших краях невозможно иначе. Я думаю, других таких не было и нет; здесь каждая встреча равносильна удаче. Человеку здесь не только несвойственно зло, он даже хмуриться не умеет толком. Дурное настроение подступило только — прогони! — и оно потопталось и ушло.

Даже в дни (в кошмаре приснятся такие), когда воет метель одичалая сутками, не поссорится он с оленями чуткими и, сердясь, кэнунэн[1] в них не кинет. Он спокойно насвистывает сперва, головой покачает — что делается на свете! — и вновь поворачивает оленей на ветер, и песню поет. Вот ее слова:

Эгей, снега много,
Эгей, ветра много.
Наверно, здесь нынче
Никто не пройдет.
Ведь он же не знает,
Где лучше дорога,
А главное — кто
И где его ждет!

Вьюга с налету, с размаху бьет, налетает, не ведая жалости. Но, покуда в груди дыханье живет, и песня живет, продолжается...

Эгей, где же стадо?
Да вот оно,
Гляди-ка, пасется
Спокойно на диво.
Когда вокруг от пурги темно,
Олени, как дети в беде,
Пугливы.
Совсем залепило глаза...
Э-ге-гей!
Словно бы злобные
Демоны злятся.
Будь мне помощником,
Вэнилэкэй[2],
Вместе с тобою
Чего нам бояться?!

Накормит олень и согреет в холод, если же вдруг случается, что олень от человека уходит,— вместе с оленем уходит счастье...

По оленям у нас о характере даже судят. О трудолюбье и лени. Не скажут: «Чудесный парень!» — а скажут: «У этого могут держаться олени».

Пастбище скудно? От этой беды хозяин оленей голоден дважды. Если олени ищут воды, у хозяина горло сохнет от жажды. А если бык захромал... Что ж, тогда, серый от горя, под низким небом, человек все силы вложит в удар, чтобы слишком больно оленю не было.

Не напоказ его сожаленье, порой — без свидетелей — он рыдает...

Другу, стремительному оленю, чукча песни лучшие дарит.

Серый, с отметинкой под левым ухом,
Ноги не устают мелькать.
В упряжке один заменяет двух он,
Но и напарник ему под стать.

Я с осени езжу на этой паре,
Быстрым, как птица, я с ними стал.
Если бы завтра они пропали,
Может, и я бы тогда пропал!

Я ничего для них не жалею,
С ними мне радостен всякий труд.
Если в пути я вдруг заболею,
Домой олени меня привезут.

Мои олени — моя надежда.
Если нарты к обрыву скользят,
Встанут олени — и нарты удержат...
Мне без оленей моих нельзя!

Олень носит голову, как люди в славе, бывает, носят собственное имя. Олень человека в беде не оставит, у смерти самой отнимет. Чукчи зовут его другом — и сто́ит. Как он неутомим, как стоек!

Дорога. Слово куда как просто. А это — сугробы выше вашего роста, южак (значит, слякоть и снег с дождем), хиус — северный ветер безжалостный, нашей метели зловещие шалости, или дорога зеркальным льдом...

Но уж и холят оленя люди, и благодарны ему они. Как мы оленя ласкаем и любим, знают ветер да тундра одни!

...У Пекульнеев упряжка несется. Такой погоды не бывало давно! Человека с оленями увидело солнце, вон как радо! Сияет оно...

ГДЕ?

Весна! Так же солнечны ночи, как дни. Как близнецы, друг на друга походят они. Солнце: попробуй не рассмеяться — будто щекотка! Это Чукотка.

Это такая езда по насту весенней тундры, что с непривычки на нартах и удержаться трудно. Как, убегая из-под полозьев, искрится наст!

Это — только у нас.

Только у нас оленьи копыта, как бубен, звенят. Только у нас застанешь: явление миру северных оленят, сразу встающих на ножки, дрожащих и милых...

Стоп: в любви объясниться надо. Ничего я в природе не видела краше. ВЫ — ЦВЕТЫ НАШИ ПЕРВЫЕ, ОЛЕНЯТА, ВЫ — ПОДСНЕЖНИКИ ЧУКОТСКИЕ НАШИ.

О как просторна тундра моя, и как хорошо здесь, представьте, если на каждой поляне, у любого ручья взлетают только что рожденные песни!

Где берега, где тропы те,
Что в детстве я излазила?
Озера? Сопки в высоте?
Где шикша[3] черноглазая?

Где олененок? Со всех ног
Всегда ко мне он мчался.
Где тот зайчонок, что весной
Ослеп, оглох от счастья?

Где куропатки, от любви
И солнца заполошные?
Пути, что близкими людьми
По тундре всей проложены?

Где мой любимый, с кем я шла
По тундре, как по радуге?
Мэлёт, ты мне сестрой была.
Кого ты песней радуешь?

Вернулась я, гляжу вокруг:
Где вы, подруги? Где ты, друг?
Где юности моей друзья?
Верна, верна, верна вам я...

Голоса изумляют и радуют, голоса то взлетают, то падают, дух захватывает, как на качелях... На весенних кочевьях, у подножия сопок, в долинах, где придется, много песен слагается красивых и длинных, много песен поется.

И о ком только в тундре не вспомнят, не спросят: «Где-то он?»

И снова песня землю заполнит, заполонит небосклон.

Это — солнечные ночи,
Когда воздух из песен соткан.
Я люблю тебя очень,
Чукотка!

Перевел с чукотского
Р. ДОБРОВЕНСКИЙ.

---

[1] Кэнунэн — посох оленевода.
[2] Вэнилэкэй — олень с колокольчиком. По старому поверью, он отпугивает зверей и злых духов.
[3] Ягода.

Г. Келауридзе (Тбилиси). ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГИМНАСТИКА.

М. Асламазян (Москва). РУССКАЯ СКАЗКА.

КРАСКИ РАДОСТИ

«При встрече с этим искусством испытываешь радость и даже зависть, что человек может так видеть мир, так чувствовать и передать свои чувства другим!»

«Спасибо за звонкую радость! За праздник солнечный, прекрасный, никогда не забываемый!»

«На этой выставке кажется, будто ты в саду...»

«Надо очень любить жизнь, чтобы так писать. Смело, красиво...»

Такие записи переполняют книгу отзывов выставки народного художника Армении Мариам Асламазян, открывшейся недавно в Выставочном зале Союза художников СССР на Кузнецком мосту в Москве.

На этой яркой, жизнеутверждающей выставке около двухсот работ: натюрморты, портреты, пейзажи, развернутые композиции, керамика... Но это лишь малая толика из созданного Мариам Аршаковной Асламазян за 40 лет ее напряженного и увлеченного творчества.

Искусство вошло в жизнь Мариам еще в детстве: первым творческим заданием девочки стал заголовок школьной стенгазеты. Было это в ту пору, когда еще город Александрополь, в котором жила семья мельника Аршака Асламазяна, не был переименован в Ленинакан... Перейдя в седьмой класс, Мариам начала ходить на занятия в художественную студию. А в 1926 году девушку приняли в Ереванский художественно-промышленный техникум, прямо на IV курс. Здесь учителем Мариам стал один из замечательнейших пейзажистов Армении, Сиртак Аракелян. Он привил ей вкус к интенсивному цвету, смелой и выразительной декоративности и вместе с тем научил видеть красоту нежного тона, богатство разнообразных живописных фактур.

— Мне повезло с учителями,— рассказывает Мариам Аршаковна.— Во ВХУТЕИНе, куда я поступила в 1929 году, преподавателями моими были Истомин, Родионов, Сергей Герасимов... А когда в результате расформирования ВХУТЕИНа нас, живописцев, перевели в Ленинградскую академию художеств, я училась у Петрова-Водкина.

Занятия у Петрова-Водкина были похожи на уроки высшей математики, но в приложении к живописи. Этот великолепнейший, редчайший педагог ни одной постановки не ставил просто так, вслепую, случайно или потому, что она красива, декоративна. В каждой была заключена для нас, студентов, строго конкретизированная задача. Помню: кусок дерева, кирпич, обломок алюминия. Задание — на материал. То есть мы должны были передать на своих холстах теплую гладкость дерева, плотную пористость кирпича, матово-холодный блеск металла. Так же Кузьма Сергеевич давал нам задания специально на форму, на рисунок, на ритм...

Сложность пройденной школы, разнообразие педагогических принципов только помогли талантливой молодой художнице.

«Ее не собьешь!» — говорил про свою ученицу Александр Иванович Савинов, ее последний педагог, у которого Мариам Асламазян окончила аспирантуру. Действительно, у каждого из художников, у которых она училась, Асламазян сумела взять самое ценное и обогатить этим свой яркий, особенный талант. Именно так, как и учил ее Петров-Водкин: «Вы берите у меня все, а делайте — свое».

И вот в работах художницы мы узнаем столь характерную для К. С. Петрова-Водкина смелость, четкость, уверенность в построении перспективы, не скованной прямой, единственной задачей — добиться иллюзорности передачи пространства, а решающей более сложные композиционные проблемы. Посмотрите на воспроизведенную в номере репродукцию натюрморта «Русская сказка». На первый взгляд покажется, что в нем нет глубины пространства, что все написано в одной плоскости. Но вот ваш глаз уловил разницу в освещенности заднего и переднего плана холста, вы приметили ритм, в каком расставились на затканной розами павловской шали вятские глиняные фигурки, и перспектива возникла на ваших глазах.

— Влияет на мое творчество и Сарьян, почти так же сильно, властно, как природа, люди, облик родной Армении. Ведь он так мощно и так правдиво пережил все это в своих картинах,— говорит Мариам Аршаковна.

Но при этом работы Мариам Асламазян самобытны. Она по-своему переплавляет все впечатления бытия, мира, земли. Ее холст всегда темпераментен. Мариам Аршаковна признается:

— Я работаю с радостью, упоением. Если пишется вяло,— бросаю кисть.

И, верно, оттого в ее натюрмортах есть какая-то магия. Они никогда не статичны, не пассивно-декоративны. Кажется, что фрукты и плоды перекатываются в них от края к краю рамы холста. Цветы колышутся, выступая над его поверхностью. Игрушки, статуэтки, раковины... передвигаются, сминая ткань, на которой они расставлены, всякий раз в иные, все более нарядные складки. Это происходит потому, что во время работы художница часто меняла что-то и в постановке и на холсте, добиваясь жизненности, выразительности, динамики, творя искусство как бы из самой таинственной и простой жизни вещей.

— Я помнила о заданиях Петрова-Водкина на ритм, которые мне приходилось выполнять в пору студенчества, и тогда, когда в годы войны задумывала уже в Ереване, а написала много лет спустя картину «Письмо с фронта» об армянских матерях. Мне во что бы то ни стало нужно было добиться, чтобы их черные, одетые в траур фигуры на холсте раскачивались точно так же, как раскачиваются в горе и печали у меня на родине женщины-армянки.

И художница добилась этого!

Но печаль и горе редко проникали на холсты Мариам Асламазян. С годами больше, глубиннее узнавая жизнь, художница будто учится мудрому умению все переплавлять в звучную симфонию торжества добра, света, тепла, созидания. Потому и отметила в 1967 году Мариам Аршаковна свое шестидесятилетие натюрмортом небывалой даже для ее палитры мощи, красочности, мажорности — «Изобилие». Отпечатанный на афише персональной выставки художницы, он словно бы принес сочные краски и пряные ароматы юга на заснеженные зимние улицы Москвы.

В 1965 году проехала Асламазян по Волге, по старым русским городам — Саратов, Кострома, Углич, Суздаль... Раскрывшаяся перед нею на этом пути панорама приволжских круч, холмов, утесов, увенчанных древними стенами кремлей, куполами храмов, исчерченных кривыми улочками, предстала во всей красе... В привычных югу и небывалых на Волге насыщенных красках. И будто стала звонче перекличка цветовых пятен, гуще, сочнее северная зелень, гуще синь неба... А в мастерской художницы частицей России давно живет великолепная коллекция расписной вятской глиняной игрушки. И нередко пестрые барыни, собравшись в веселый хоровод, подсказывают Мариам Асламазян сюжет для нового живописного холста, будто роднящего две республики.

Эльвира ПОПОВА

Майя ЛУГОВСКАЯ

ГОЛОСА И ВСТРЕЧИ

ПОГРАНИЧНАЯ ВЕСНА

К тающим озерам птицы
Возвращаются с доверьем,
Чтоб из ледников напиться,
Погордиться в новых перьях.

Я же к югу, не на север,
Я в сыпучие пески!
Мне везде хватает снега:
Все засыпало виски.

Мне зеленый ветер смотрит,
Заупрямившись, в лицо.
Как и я, он здесь залетный,
На заставе у бойцов.

Молодое поколенье
Строго слушает стихи.
Пролетают, как виденья,
Кони, люди и клинки.

Мне бойцы коня седлают,
По ущелью я скачу.
Мне тюльпанов набирают
Столько, сколько захочу.

Горы. Горы. Всюду горы.
Несравненен Копет-Даг.
И зеленые уборы
На отважных головах.

Как из бочажка испила:
Пограничный крепок чай.
Снова, сердце, ту же силу,
Ту же радость получай!

Как студеные озера
Птицу по весне зовут,
Азиатские просторы
Мне покоя не дают.

ГОЛОС

Услышат
потомки твои
усталый,
неведомый голос...

Владимир Луговской

Моя душа сгорает в двигателях теплоходов.
Взлетает огненными дымами заводов.
Вгрызаясь буром в твердые породы,
Моторами стучит с заката до восхода.
В турбины устремляется с водою
И снова дали видит пред собою
И, надрываясь, стонет проводами
Высоковольтными:
— Я с вами, с вами!

КРУЖЕВНИЦА

Вологодская метель — кружева.
И заснеженная ель — кружева.
Занавески на окне — кружева.
От мороза на стекле кружева.
На карнизах и ветвях кружева.
На ресницах и бровях кружева.

На березоньках листки — кружева.
У черемух лепестки — кружева.
Под черемухой слова — кружева.
Закружилась голова. Кружева.
У невесты на фате кружева.
У волны на хребте кружева.

И от пены на песке кружева.
От седин на виске кружева.
И вся жизнь — кружева, кружева.
Так рядись, пока жива, в кружева.
Над рекой облака — кружева.
Молода пока — плети кружева.

МАЛЫШАМ

Галина ЛЕБЕДЕВА

Одуванчик

Видно, правду люди говорят: кому не повезет, так уж не повезет. Да только вот какая история случилась однажды.

Рос в парке одуванчик. Старенький, седой совсем. Дунул ветер, и полетели дети одуванчика кто куда, в разные стороны. Кто тут же рядом в траву упал, кто подальше уселся, на клумбу, а один парашютик выше всех поднялся. Так высоко, что едва и разглядел внизу облысевшую головку своего папы — старого одуванчика.

«Эх, прощай, родимая полянка,— подумал веселый парашютист.— Видно, мне больше других повезло. Выше всех взлетел!»

Носило его, носило над домами, над заборами да и швырнуло под ноги прохожим на голый асфальт.

Да! Так уж случилось. Как говорится, не повезло. Но не в этом дело. Слушай дальше.

Целый день лежал бедный парашютист на горячем асфальте. Наступали на него ногами, чуть не втянула его носом собака, чуть не склевал его воробей. Страху-то натерпелся! Парашютик давно смялся и отвалился. Осталось только маленькое серое семечко.

А наутро вышел из подъезда дворник. Вот с такими длинными усищами, вот с такой огромной метлой. Засучил он рукава и давай метлой махать. Туда-сюда, туда-сюда, как маятник у часов. Чисто метет, старается. Дошла метла до семечка одуванчика, которое валялось посреди дороги, и — раз! — смахнула его в чуть заметную трещину в асфальте. Притаилось семечко, лежит не дышит.

«Где же это я? — думает.— Жестко как! Неуютно. Однако что делать. Хорошо, хоть не топчут тебя ногами. Можно наконец вздремнуть! А там посмотрим».

Так и пролежало маленькое семечко в своем убежище всю зиму. Завалило его снегом. А под снегом так сладко спится. Уж это точно. Спроси у любой травинки, и она это подтвердит.

Проснулось семечко только в апреле, когда солнышко прогрело землю и маленький ручеек зазвенел под соседним камешком.

«Кажется, я еще живу!» — обрадовалось оно.

Потянуться после долгого сна — это же первое дело!

Но что это хрустнуло? Ничего страшного — все в порядке. Просто из семечка одуванчика вылез росточек.

Как-то рано утром вышел во двор усатый дворник. Поплевал на ладони, и, как всегда, стал метлой махать туда-сюда, туда-сюда. Уж свое дело он знал отлично. Разбудите его среди ночи, и он вам отчеканит:

«Двор должен блестеть, как зеркало. Чтоб ни соринки, ни травинки не было. Соринки должны лежать в урне, травинки расти на газоне. Всё!»

И вдруг что за безобразие — посреди двора, напротив подъезда одуванчик вырос! Откуда только взялся? И впрямь из-под земли.

Расстроился усатый дворник. Сел на лавочку. Задумался. Ведь было так спокойно, тихо, мирно. Все точно, как полагается,— ни соринки, ни травинки.

Игорь МАЗНИН

Странное дело

Как-то раз
Я то и делал,
Что весь день
От дела бегал.
А под вечер,
Кто бы знал,
От безделья
Так устал,
Что, добравшись
До кровати,
Как подкошенный
Упал...
Неужели
Дело делать
Легче,
Чем от дела
Бегать?

А. ГОВОРОВ

Я очень

Я очень медленно хожу.
Хожу
И воздухом дышу.
Дышу глубоко по утрам,
Дышу —
Не надышаться.
Дышу
И к добрым докторам
Не стал я обращаться.
Я за здоровьем сам слежу.
Слежу,
Когда в гостях сижу.

И вдруг — нá тебе! Такая неприятность. Народ здесь ходит, машины ездят, а он взял и вырос у всех на виду. Ну, ладно бы где-нибудь скромно, в уголке за сараем зацвел, ан нет — на виду у всех торчит. А если домоуправ заругается? Скажет: плохо работаешь. Двор одуванчиками зарастает...

Совсем расстроился усатый дворник. Взял он метлу и решил: «Раз не положено, значит, не положено. И нечего нарушать».

И только хотел он сшибить метлой золотую головку, смять зеленые листики, как выбежала из подъезда внучка усатого дворника — Катя.

— Цветочек вырос! Какой хорошенький! Не трогай его, деда, пусть растет!

Взяла она палочку и воткнула рядом с одуванчиком.

Крякнул усатый дворник, но спорить с любимой внучкой не стал.

«Пусть позабавится,— подумал он,— забудет, да и все равно цветок до вечера не доживет. Затопчут. Народу-то сколько через двор ходит».

Пошел дворник домой, сел у окна. Чай пьет и на улицу глядит.

Вот идет через двор старушка с палочкой. Устала, видно. Еле-еле переступает. А тут на самой дороге одуванчик. Стоит, желтой головкой качает, будто кланяется.

А одуванчик и вправду кланялся. Только дворнику-то не понять, что он говорил. А бабушка догадалась. Видно, добрая она была.

— Здравствуй, милый, здравствуй,— улыбнулась старушка.— Ишь ты, где тебя угораздило вырасти! Как бы тебя не затоптали.

Вынула она из кармана веревочку и привязала одуванчик к палочке, что Катя в землю воткнула. И пошла дальше. Одуванчик ей долго вслед головкой кивал.

Только бабка за углом скрылась, а во двор грузовик въехал.

— Ну,— усмехается дворник,— уж теперь-то моя правда будет. Наедет на него грузовик — и поделом: знай свое место.

А шофер — парень веселый, загорелый. Кепку на нос сдвинул и локоть из кабинки свесил. Сидит, баранку крутит. И не видит, что одуванчик у него на дороге растет.

Обрадовался усатый дворник, кричит шоферу:

— Давай, давай, дави его!

— Кого это я давить должен? — удивился шофер. Высунулся он из окошка — глядь, а возле колеса одуванчик. Желтенький, пушистый. Такой веселый. На цыпленочка похож. Первый одуванчик!

Улыбнулся шофер. Взял и свернул в сторону. Добрый был шофер.

Разозлился дворник и окошко захлопнул, да еще шторой закрыл.

А тут прибежала во двор Катя, а за ней ребята. Полили одуванчик из кружки, а потом натаскали со всего двора камешков и обложили его кругом.

Вот и получилась посреди двора клумба. Совсем маленькая, игрушечная, но усатый дворник уже не смог ничего поделать.

Ведь одуванчик теперь рос на клумбе. Как и полагалось расти цветам.

Вот и вся история, которая произошла когда-то под моим окном.

Да, совсем забыла добавить. На том месте, где рос маленький одуванчик, обложенный со всех сторон камешками, теперь большая красивая клумба. И растут на ней одни одуванчики. А среди них и наш знакомый. Он кивает всем головкой, и по всему видно, что ему-то в жизни очень повезло.

Тельняшки

Александр ЕКИМЦЕВ

У скал черно-бурых,
У лодок курносых
Купались
Июльской порою
Матросы.
На желтом песке,
Что волной намывало,
Лежали тельняшки
Матросов бывалых.

Но вот
К полосатым тельняшкам
Матросов
Подкрался мохнатый прибой
По откосу.
Он крикнул матросам:
«У мокрых камней
Я встретил
Озябших совсем
Окуней.
И чтобы они
Не дрожали, бедняжки,
Позвольте отдать им
Все ваши тельняшки!»

И в бурное море
За черные скалы
Унес
Полосатых тельняшек
Немало.
У скал черно-бурых,
У рыжих камней
До ночи прибой
Одевал окуней.

С тех пор они
В море,
Играя в пятнашки,
Всегда
Полосатые носят тельняшки.

Рисунки А. Елисеева
и М. Скобелева.

Слежу,
Когда в саду
Лежу.
Слежу,
Когда я в лес вхожу
И там сойду с дороги.
Тогда я медленней
Иду,
Тогда я бережней
Иду,
Чтобы случайно на ходу
Не потерять здоровье.

С. ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ОПЕРАЦИЯ «СТАЛЬНОЕ КОЛЬЦО»

Когда Оберлендер и Глобке прибыли на командный пункт, самолеты-разведчики уже висели над лесом. Они фиксировали все подозрительное, все, что могло свидетельствовать о присутствии человека в лесной чащобе.

В 10.00 в воздух были подняты бомбардировщики. Они обрушили тонны металла на лесные поселки, на высотки, господствовавшие над местностью.

После удара с воздуха и сигнала «Зеленая ракета» ударила артиллерия. С ревом, лязгая стальными гусеницами, поднимая воду и грязь, по лесным дорогам с трех сторон в огромный лесной массив врезались танки. Сосредоточенная на флангах пехота, отряды СС и подразделения местных полицаев растеклись по лесу.

Заработали переносные радиостанции, затрещали телефонные аппараты.

Операция «Стальное кольцо» началась.

Оберлендер, глубоко веривший в благоприятный исход операции, сидел возле полевых телефонов, ожидая донесения с места. Все развивалось по плану, разработанному при его непосредственном участии.

На командный пункт то и дело поступали сообщения, что подожжены лесные поселки и деревни, что «их жители, среди которых немало было партизан, уничтожены». Сообщалось также, что «обнаруженная в квадрате 34 большая группа раненых советских солдат уничтожена до единого человека после того, как оказала яростное сопротивление».

Оберлендер дал указание Глобке сообщить командующему, что операция «Стальное кольцо», как и ожидалось, развивается весьма успешно.

— Обязательно укажите,— уточнял он,— что нами уничтожено несколько крупных группировок, состоящих из партизан и красноармейцев.

Весь вид Глобке говорил о том, что он не разделяет мнения генерала:

— Господин генерал, мой совет — не торопиться с оценкой хода операции. Пока у нас нет ничего, что могло бы подтвердить первичные сводки. Мой долг — напомнить, что фон Хорн не прощает ошибок в подобной информации...

Оберлендер махнул рукой. Он не успел ничего ответить. Помешал радист Ганс:

— Господин генерал, вас срочно требует «Восток»!

Вызывал полковник Мельман. Это могли быть приятные известия. Оберлендер подключился к рации.

— «Восток», «Восток», я «Рейн», слушаю вас,— несколько раз повторил он в микрофон.

После усилившегося потрескивания наконец Оберлендер уловил.

— Докладываю,— слышался голос Мельмана.— В квадрате, куда нацелен был наш основной удар, противника не оказалось. Крупный отряд противника, состоящий из солдат регулярной Красной Армии и партизан, неожиданно напал на подразделение полка из района, который считался для нас неопасным.

— Уничтожить бандитов! — коротко бросил Оберлендер.— Бросьте против них танки и артиллерию, используйте резервный отряд войск СС. Результаты докладывайте немедленно.

Рация умолкла. Оберлендер некоторое время оставался на месте, как бы осмысливая все то, что только услышал. Он понимал: поражение на участке полковника Мельмана может провалить всю операцию.

На дороге, по которой несколько часов тому назад ушли в лес мотопехота и танки полковника Мельмана, появились грузовые машины с солдатами.

— Что это?—спросил Оберлендер, обращаясь к Глобке.

Полковник вышел навстречу машинам. Остановил головную и сейчас же бегом кинулся обратно.

— Что там? — спросил Оберлендер.

— Везут раненых... Сотни раненых!

— Вы с ума сошли, полковник! Слышите, сошли с ума! Дать немедленно «Восток»! — приказал Оберлендер.

Растерявшийся радист, подхватив микрофон, кричал:

— «Восток», «Восток», отвечайте «Рейну»! «Восток», «Восток», отвечайте «Рейну»!

Через несколько минут рация ожила.

Оберлендер схватил микрофон и закричал:

— Полковник! Доложите, что у вас происходит?

И услышал:

— Полковник Мельман убит. Мы отходим! Несем тяжелые потери.

— Танки! Где танки? — перебил генерал.

— Несколько танков подбито! Танки горят!

— Дайте командира танкового полка!

— Он тоже убит!

— Где полицейские отряды?

— Разбежались!

— Приказываю остановить бандитов любой ценой! — кричал Оберлендер.

— Слушаюсь! — ответил «Восток» и замолчал.

Генерал похолодел. Впервые он допустил мысль, что операция может провалиться. И не то чтобы он испугался. Тревожило другое. Фюрер установил сроки похода в Россию, заверил, что война с Россией будет молниеносной. К этому шло дело. И вдруг в слаженном военном механизме начинает что-то заедать. А кто виноват в этом? Он? Или по крайней мере он в том числе?..

...Обратный путь был долгим и тяжелым. Ехали в специальном автомобиле. И хотя Оберлендер считал, что земля, отделяющая его командный пункт от штаба армии фон Хорна, это уже навсегда немецкая земля, ехал он по ней с опаской, старался прижаться к сиденью, чтоб не увидели, не узнали. В одном находил утешение Оберлендер: руками «сговорчивых» русских утихомирить «несговорчивых». «Дранг нах Остен» — это великий поход за жизненное пространство для Германии, для немцев, значит, и жить здесь будут только немцы. А пока...

РАЗВЕДЧИКИ ИДУТ НА СВЯЗЬ

Начальник штаба армии генерал-майор Ермолаев дважды перечитал донесение майора Млынского и записку сержанта Бондаренко. Его взволновал портсигар, который так неожиданно попал к нему и теперь лежал на столе. Сколько воспоминаний навеяла эта маленькая желтая коробочка...

Но что же с отрядом? Генерал встал, подошел к карте, занимавшей всю стену. Линию фронта на карте обозначала жирная линия, а дислокацию советских и немецких дивизий — флажки: красные — наших, синие — противника. Флажки крепились обычными булавками. Совсем нетрудно было отыскать на такой карте зеленое пятнышко, а в действительности огромный лесной массив, который укрыл отряд майора Млынского.

Генерал закурил трубку и попытался теперь уже на оперативной карте района проследить маршрут движения отряда, определить его примерную дислокацию. Записав в блокнот нужные координаты, генерал направился на командный пункт. Его уже поджидали член Военного совета генерал-майор Голубь, заместитель по тылу полковник Самохин и начальник Особого отдела армии полковник Куликов. В просторном блиндаже плавал табачный дым. Непрерывно звонили телефоны, стрекотали телеграфные аппараты.

Генерал Ермолаев поздоровался с товарищами и зашел вместе с ними в другую половину блиндажа.

За столом сидел командарм — высокий пожилой человек.

Командующий пояснил вошедшим:

— Я пригласил вас, чтобы посоветоваться по вопросу, суть которого изложит генерал Ермолаев.

— Сегодня ночью,— начал Ермолаев,— из тыла врага через линию фронта к нам прорвался солдат Иванов. По поручению своего командира, майора Млынского, он доставил донесение. Вот его содержание.

Генерал вынул из планшета вчетверо сложенный лист бумаги, развернул, поправил на переносице пенсне и стал читать: «Командующему армией генерал-майору Виноградову, члену Военного совета генерал-майору Голубю. Докладываю, что 28 августа сего года на участке нашей дивизии немцы ввели в бой крупные силы танков и мотопехоты. Наступление активно поддерживалось с воздуха. Несмотря на героическое сопротивление наших частей, противнику удалось прорвать оборону в центре, глубоко вклиниться в наши боевые порядки и ударить с тыла по обоим флангам, изолированным друг от друга. Потеряв связь между собой, подразделения дивизии оказали отчаянное сопротивление. В неравном бою, продолжавшемся трое суток, погиб почти весь командный состав дивизии. Оставшиеся в живых под покровом ночи прорвались в соседний лес, сохранили часть оружия и знамя дивизии. Из бойцов дивизии и других воинских частей, сражавшихся на подступах к городу, сформирован отряд в семьсот человек. Разработан план борьбы с немцами в условиях тыла, но отряду не хватает боеприпасов, медикаментов и продовольствия. Радиостанция имеется, но нет питания. Из надежных источников нам стало известно, что немцы готовят против нас карательную операцию. С учетом наличных сил и возможностей мы готовимся достойно встретить гитлеровских захватчиков. Ждем указаний и возможной помощи.

Командир отряда майор Млынский
Начальник штаба капитан Серегин
Политрук капитан Алиев».

Генерал Ермолаев помолчал, затем продолжил:

— Я должен добавить. Связных было двое: солдат Иванов и сержант Бондаренко. При переходе линии фронта сержант, по всей вероятности, погиб... Прикрывал товарища. Ценой своей жизни он позволил выполнить задание Иванову.

Наступившую тишину нарушил командарм:

— Отряду Млынского нужно помочь. Давайте обсудим, как это лучше сделать.

Генерал Ермолаев откашлялся, отпил глоток крепкого чая и добавил:

— Точные координаты отряда нам неизвестны. Перебросить все, в чем нуждается отряд, по воздуху рискованно. Можем оказать услугу немцам. Я предлагаю в район вероятного нахождения отряда выбросить разведывательную группу с задачей: найти отряд и передать точные координаты. Установим связь, решим, что делать дальше.

Командарм закурил папиросу, затянулся, помолчал немного. В эту минуту он смотрел на начальника Особого отдела. Все поняли, кому он хочет поручить задание, и не ошиблись.

— Дело это тонкое, я не говорю, трудное. Не то слово. Поэтому его поручить надо чекистам. Товарищ Куликов и не такие трудности преодолевал.

...Ермолаев возвратился к себе, сел за стол и придвинул чистый лист бумаги.

«Любимая моя Наташенька! — начал он письмо дочери.— Мы ведем беспрерывные бои с врагом. И все же я не перестаю думать о тебе и маме. Обещаю: после победы — а мы ее обязательно завоюем — никогда не разлучаться.

На нашем участке фронта из тыла противника пытался пробиться твой друг сержант Бондаренко. Я пишу «пытался», потому как пробиться к своим ему не удалось. Что случилось с ним, пока неизвестно. Через солдата, которого он прикрывал огнем на линии фронта, Бондаренко передал мой портсигар, да, да, мой, я не ошибся, а в нем лежала записка тебе. Каких чудес только не бывает. Ума не приложу: как мой портсигар попал к Бондаренко? Ответь на эту загадку. Это не упрек, это единственная попытка найти ответ на то, что... Впрочем, дело это не мое, да и не время сейчас заниматься личным.

И портсигар и записку я направляю тебе. Береги их. Если что узнаю о Бондаренко, немедленно сообщу.

Целую тебя и маму».

ОТРЯД ВЕДЕТ ТЯЖЕЛЫЕ БОИ

Размещая отряд на северных высотах, Млынский надеялся дать людям отдых. Все шло так, как и было задумано, и все же операция «Стальное кольцо» стоила отряду потерь.

Попав в ловушку, каратели отступили. Надолго ли? Не начнут ли они немедленно вторую операцию? Млынский не мог ответить на эти вопросы, поэтому решил сделать все возможное, чтобы обезопасить отряд от неожиданностей.

До наступления темноты нужно было надежно укрыть людей от немецкой авиации, изучить все подходы, в том числе скрытые, к высотам, которые он избрал временным пристанищем, организовать боевое охранение подступов, по возможности разведать, какими силами противник перекрывает основные дороги, ведущие в Черные леса. Млынский считал, что ночью надо уходить в Черные леса, а затем несколькими бросками подтянуться к линии фронта.

Серегин и Вакуленчук проинструктировали разведчиков, поставили перед ними задачу, условились о сроках выполнения. Вместе с другими в разведку ушли матрос Потешин и боец Петров, хорошо знавший эти места.

Едва занялась зорька, включилась в работу авиация противника. В разных направлениях над лесом проносились самолеты-разведчики. Они опускались так низко, что порою казалось: вот-вот проведут брюхом по верхушкам.

Опасаясь, как бы «рамы» не обнаружили отряд, Млынский поручил Вакуленчуку отвлечь их внимание ложными огневыми точками.

Мичман был большим мастером по таким операциям. Он быстро отобрал людей, захватил два зенитных пулемета, ленты с трассирующими пулями, ящик ракет, ручные гранаты и ушел на задание.

Маскируясь в густых зарослях молодого орешника, люди Вакуленчука перебрались к южной высотке, что километров двенадцать от отряда, и принялись за работу. Они выбрали позиции для пулеметов, причем один установили на северном, другой на южном склонах. Подготовили в разных местах надежные укрытия для себя. Не успел мичман объявить перекур, как над ними повисли две «рамы».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 8, 9.

ернемся

— По самолетам противника огонь! — раздалась команда.

«Рама», неестественно припав на правое крыло и оставляя черный шлейф дыма, рухнула у подножия высотки. Второй самолет отвалил в сторону, набрал высоту и скрылся за горизонтом. А два часа спустя на южные высоты немцы сбросили бомбы. Но ни одного человека здесь уже не было.

Пленный летчик показал: его начальники считают, что операция «Стальное кольцо» провалилась, но генерал Оберлендер намерен бросить на борьбу с партизанами все свои резервы.

На вопрос, чем объяснить активные действия самолетов-разведчиков, пленный ответил, что немецкому командованию доподлинно известно, что отряду Млынского удалось уйти из низин Черного леса, который подвергся сильнейшей огневой обработке, поэтому служба абвера, СД и гестапо сейчас заняты одним — выявить место дислокации отряда во что бы то ни стало. Можно было сделать вывод, что нового боя отряду не избежать.

Решили еще глубже зарыться в землю, подготовиться к круговой обороне.

Один за другим возвращались разведчики. Они докладывали, что готовится удар по северным высотам. Немцы подтягивают живую силу и технику к дорогам, ведущим на высоты. По общему мнению разведчиков, силы противника стягивались, не очень-то большие, правда, точными данными никто из них не располагал.

Млынский отдал команду всем занять свои места и приготовиться к встрече неприятеля.

Майор оставался на командном пункте. Он знал, что его бойцы ночью сделали завалы на всех дорогах, по которым могли пройти танки, и, насколько правильно он определял, как раз в местах завалов надрывно грохотали моторы, а над лесом появилась синяя дымка, характерная для перенасыщенной горючей смеси. Похоже было на то, что немецкие танки встретили серьезное препятствие и не могли легко, с ходу преодолеть его. Предположение подтвердилось, когда донеслись оглушительные взрывы. Вступили в поединок с танками подрывники. Смелые, хорошие ребята, отчаянные бойцы.

И вот появился сначала один, затем второй и третий танк. Встретив на пути поваленные вековые деревья, они откатились назад, затем, взревев, снова пошли на штурм. Они открыли огонь по высотам. Под прикрытием огня вперед двинулись эсэсовцы, развертываясь полукольцом. Прижимая к животам автоматы, они открыли беспорядочную стрельбу. Высоты молчали. Только у самого подножия эсэсовцев встретил дружный ружейно-пулеметный огонь. За пулеметами ударили пушки. Немцы несли потери. Одна волна эсэсовцев сменялась другой, вторая — третьей. В конце концов немцы засекли огневые точки отряда и перешли к прицельному огню. Особенно опасным стал огонь немецких танков, бивших с места. Подрывники сделали все, что могли. Нужно было принимать срочные меры. Млынский подозвал связного, приказал добраться до капитана Алиева, действующего на правом фланге, и передать приказ: выкатить на дорогу две пушки и прямой наводкой ударить по танкам.

Мучительно шло время. Минута казалась часом. Наконец артиллеристы, которыми командовал политрук Алиев, сменили позиции и прямой наводкой начали обстрел танков... Вновь во весь рост встали эсэсовцы и пошли в атаку. На этот раз, несмотря на большие потери, немцам удалось приблизиться к окопам. Дым, гарь и пыль окутали все кругом. Млынский по цепочке отдал команду готовиться к рукопашной схватке. Однако немцы не выдержали сокрушительного огня, дрогнули и начали отходить, беспорядочно отстреливаясь.

«За мной!» — покатилась по цепи команда Млынского. Бойцы и офицеры перемахнули через бруствер и бросились за гитлеровцами, расстреливая их в спину.

Немецкое командование бросило танки в обход высотам, но с противоположной стороны были топкие болота. Попытка немцев успеха не имела. Головной их танк попытался с ходу штурмовать южные склоны, но угодил в болото.

Танки попятились назад и больше уже не пытались штурмовать высоты с южной стороны.

Конец боя еще не давал права на отдых. Нужно было подобрать всех раненых, оказать им помощь. Нужно было похоронить товарищей, павших смертью храбрых в том нелегком сражении.

На рассвете немцы отчаянно бомбили северные высоты, но отряда Млынского там уже не было. Он ушел в район топей Черного леса и унес с собой богатые трофеи.

— Немцы учат нас воевать,— шутил Серегин.

— А мы их должны отучить,— вмешался майор.— Раз и навсегда!

КАПИТАН АФАНАСЬЕВ ФОРМИРУЕТ РАЗВЕДГРУППУ

Полковник Куликов возвратился из штаба и тут же собрал старших офицеров Особого отдела армии.

— Я думаю,— сказал он,— нужно сформировать боевую разведгруппу. В группе должен быть радист, подрывник и несколько разведчиков... Во главе группы поставить надо...— Куликов задумался.— Вот тут я и хочу посоветоваться с вами. Выбрать нужно лучшего из лучших.

— Правильно,— согласился подполковник Лобанов, заместитель Куликова.

— Кому поручим это дело?

Молчание было недолгим.

— Капитану Афанасьеву,— предложил Лобанов.

Куликов спокойно спросил:

— Почему Афанасьеву, а не другому?

— Афанасьев — наш лучший разведчик. Несколько раз забрасывался за линию фронта. Все задания выполнил безупречно,— пояснил Лобанов.

Его дополнили:

— Язык немецкий знает. Любого фрица может проэкзаменовать по дейчешпрехен.

— Холост к тому же.

Куликов внимательно слушал. Знать и учитывать мнение ближайших помощников уже давно стало для него необходимостью, подтвержденной жизненным опытом.

Куликов погасил окурок в пепельнице, которую заменяла гильза от сорокапятимиллиметрового снаряда, одобряюще сказал:

— Согласен с вами. Поставим во главе группы Афанасьева. Только ему надо помочь в подборе людей. Пригласите ко мне капитана Афанасьева.

Полковник выслушал доклад. Капитан располагал к себе. Высокий, подтянутый. Густые черные волосы зачесаны назад. Большой лоб, серые с грустинкой глаза и широкие вразлет брови придавали ему скорее вид ученого, нежели военного. «Ну, что же,— рассуждал Куликов,— разведчику это кстати. Он даже докладывает, как штатский. И это хорошо».

— Садитесь, товарищ Афанасьев,— предложил Куликов.— Рассказывайте, как на передовой. Достается, небось, и здорово?

— Каждый человек вот так нужен.— Капитан провел пальцем по горлу.— Комдив просил не задерживаться. Возвращаться как можно быстрее.

— Знаю. По пустякам не беспокоил бы,— ответил Куликов.— Командарм дал нам очень ответственное задание. Выполнять его будем хотя и на нашей территории, но теперь уже в тылу противника. Не в одиночку. Нужно создать боевую разведывательную группу. А во главе ее поставить опытного, смелого разведчика.

Куликов, как всегда в таких случаях, смотрел прямо в глаза собеседника. Глаза не обманут.

Вот и сейчас в глазах Афанасьева он не уловил колебаний, и страха в них не было. Несомненно, Афанасьев догадался, что это задание коснется его, тем не менее, помолчав, Куликов спросил:

— Мы намерены поручить это дело вам. Что скажете?

— Что скажу? — оживился Афанасьев.— Благодарю за доверие, товарищ полковник. Когда разрешите приступить?

— Благодарить за доверие не меня одного надо,— уточнил Куликов.— Вашу кандидатуру поддержали в Особом отделе все, с кем я советовался. Это о многом говорит.

Куликов опять замолчал.

— Когда приступать к заданию, тоже скажем. Обстоятельства торопят... А сейчас возвращайтесь в часть, сдайте дела — и к нам!

Утром Афанасьев уже сидел у полковника Куликова. Вместе со своими помощниками Куликов продумал задание, которое надлежало выполнить капитану, подробно и обстоятельно. Сейчас он излагал свои соображения до мелочей. А когда закончил, познакомил Афанасьева с майором Максимовым, уже успевшим проявить себя в делах подобного рода. Он прибыл из Особого отдела фронта, чтобы оказать помощь, дать советы.

Афанасьев и Максимов начали собирать группу.

Вскоре группа была сформирована. В нее вошли: подрывник-минер Дьяков Анатолий Дмитриевич, уже немолодой, степенный человек, родом из Молдавии. В родном селе о нем говорили: «Скуп на слова, щедр на дела». Эта характеристика прочно утвердилась и в воинской части, в которой начал войну Дьяков. Несколько раз его уже считали погибшим, но наперекор всем смертям он объявлялся живым и всякий раз докладывал: «Задание выполнил».

Радист Прокопченко Николай Григорьевич, или просто Николай, комсомольский вожак, лучший в части снайпер.

Разведчик Корецкий Григорий Илларионович, директор средней школы.

Разведчики Миша Курбанов и Гриша Ляшкевич из Белоруссии.

Разведчик Дьяур Федор Николаевич, молдаванин. Действительную службу прошел на пограничной заставе, где слыл весельчаком, незаменимым гармонистом и запевалой. Потом работал в педучилище, преподавал немецкий язык, знал его в совершенстве, знал отлично и румынский язык.

Разведчик Карлышев Иван Васильевич, коренной свердловчанин.

В разведывательную группу включили Анну, аспирантку института иностранных языков.

Комиссаром разведгруппы назначили Петра Тимофеевича Белецкого — кадрового политработника.

Когда подготовка разведчиков, проходившая под руководством Максимова, подходила к концу, в расположение группы прибыл генерал Дроздов.

Генерал пригласил к себе Афанасьева. Сначала выслушал рапорт, затем по-хозяйски оглядел с ног до головы.

Генерал налил себе кружку чая, посмотрел на Афанасьева, спросил:

— Чай пить будете?

— С удовольствием!— не задумываясь, ответил капитан.

— Тогда наливайте!— предложил Дроздов.

Отпивая маленькими глотками чай, генерал обратился к капитану:

— Расскажите о составе группы и степени ее готовности. Сидите!— разрешил генерал.

Афанасьев обрисовал каждого участника группы.

Генералу нравилось, как говорит капитан. Найти главное в человеке, рассказать о нем предельно кратко, но выпукло — умение, которое дается не каждому. А вот Афанасьев владеет этим умением в совершенстве. Подбирает такие слова, которые позволяют зрительно представить того, о ком говорит.

Генерал задавал вопросы, уточнял отдельные детали.

Находившийся тут же полковник Куликов доложил свои соображения по вопросам, которые поставил перед ним генерал. Беседа была полезной. Понравился ему и генерал. С первого взгляда строгий, а вникнуть — душевный человек.

Генерал вышел из-за стола, ближе подошел к капитану и сказал:

— О ваших делах, капитан, я знал по документам. А вот сегодня довелось лично познакомиться. Я доволен встречей с вами.— И глядя в упор:— У меня к вам остался один вопрос: кого, по вашему мнению, можно поставить во главе группы?

Афанасьев вытянулся в струнку и, отчеканивая каждое слово, произнес:

— Товарищ генерал, прошу группу доверить мне!

Дроздов медленно прошелся по комнате, закурил папиросу, посмотрел на Афанасьева.

— Задание будет очень ответственным. Действовать придется в тяжелых условиях. Опасность, риск. Ко всему нужно быть готовым. Вы подумали об этом, капитан?

— С того дня, как мне поручили формирование группы, я только об этом и думаю, товарищ генерал!

Дроздов улыбнулся кончиками губ, обращаясь к Куликову, спросил:

— Ваше мнение, Иван Дмитриевич?

— Я думаю, следует удовлетворить просьбу капитана, Николай Павлович. Он хороший чекист. Успел уже дважды отличиться за линией фронта.

— Ну что же, быть по-вашему,— уже не скрывая улыбки, заключил генерал.— С моей стороны возражений нет.

— Капитан Афанасьев,— официально начал генерал,— вы назначаетесь командиром разведывательной группы, которой дано условное название «Пламя».

ПЕТРЕНКО ВЫСЛУЖИВАЕТСЯ

Начальник городской полиции Раздоркин важно восседал в своем кресле. Он читал какую-то бумагу. По сдобренному медовой улыбкой лицу видно было, что он в настроении. Еще бы! Такое рекомендательное письмо из гестапо не каждому удается получить, а вот Петренко, который сидит перед ним, получил. С такой рекомендацией. Тут и вопроса нет. Только вот... Лицо Раздоркина вдруг затуманилось. Глубокие складки вспахали лоб.

До этого Раздоркин сам подбирал полицейских и следователей. Согласует с гестапо, и назначит на должность, и взяточку не забудет взять. Петренко оказался первым, кого гестапо направило на службу в полицию, не испросив мнения начальника полиции. Вот это и озадачило Раздоркина. Потребовать от него положенную суммочку или воздержаться? Чего доброго, еще пожалуется? И лишать себя этой сумочки вроде бы ни к чему...

Раздоркин еще и еще раз внимательно прочитал письмо, исподлобья поглядывая на Петренко. Рука его, тронутая нервной дрожью, уже который раз ложилась на широкую залысину и терла ее до красноты. Затем разгладил обеими руками редкие рыжие волосы, снял очки, подумал немного, решил осторожненько выяснить, какие отношения у Петренко с гестапо.

— Вы сами захотели работать в полиции или вам посоветовал кто?

— Сам, господин начальник, сам!— ответил Петренко.

Раздоркин снова трет и без того красную залысину, щурит глаза и с подходцем спрашивает:

— Вас, видать, хорошо знают в гестапо?

— Не только в гестапо. В штабе армии тоже знают меня, господин начальник.

Раздоркин поперхнулся... «Взяточка, кажется, летит коту под хвост»,— подумал он и каким-то простуженным голосом прохрипел:

— Великолепненько, великолепненько!

Он умиленно посмотрел на Петренко, вынул из ящика стола сигареты, протянул собеседнику, как бы невзначай заметил:

— Кто же эти ваши всесильные благодетели, если не секрет, разумеется?

Петренко закурил сигарету, небрежно бросил:

— Что вы, господин начальник, какие секреты могут быть от вас? Перед вами я как на духу.— И после некоторого молчания:— Зауер, генерал фон Хорн, ну и некоторые другие знают меня.

Сейчас уже Петренко был хозяином положения.

Раздоркина бросило в жар. Его и без того отвислые щеки, казалось, повисли на крючочках, как две красные лепешки. Он нажал на кнопку. Дверь открылась, на пороге появился высокий, лет сорока пяти полицейский с белой повязкой на рукаве.

— Угости нас чайком,— пробасил Раздоркин.

Через две-три минуты тот же полицейский шумно опустил на стол две солдатские кружки, над которыми змейкой поднимался сизый пар.

Раздоркин зажал кружку в здоровенном кулачище. Он хлебал жадно и шумно, приговаривая:

— Немцы нас не балуют чаем. Вот и приходится хлебать всякие настои. Коли верить бабам, настои пользительней натуральных чаев.

Первым расправился с чаем Раздоркин. Отставил подальше кружку, побарабанил пальцами-коротышками по столу, кликнул того же долговязого полицая.

— Возьми посуду да покличь Готлиба.

Посмотрел на Петренко, пояснил:

— Готлиб — это у меня начальник следственного отдела. Обрусевший немец, фольксдейче, как их теперь называют.

Когда вошел Готлиб, Раздоркин кивнул на Петренко, сказал:

— Будет работать у нас следователем. Люби и жалуй.— И предупреждающе:— Сам господин Зауер прислал.

— О, это большая честь для нас,— поспешил признать Готлиб, пожимая руку Петренко.

— Большая, большая,— поддакивал Раздоркин.— Забирай его, помоги освоить дело... Да жильем обеспечить не позабудь.

— Будет выполнено,— ответил Готлиб.

Взяв под руку Петренко, увел с собой.

Раздоркин тут же вызвал к себе старшего следователя Охрима Шмиля.

— Охрим,— сказал он ему,— сегодня гестапо прислало нам нового следователя... Петренко его прозвище. Думается мне, что это подсадка под меня... под нас,— поправился Раздоркин.— Будет вынюхивать да доносить в гестапо. Ты поимей в виду, Охрим, да язык не распускай при нем.

— Неужели немцы вам не доверяют?— тревожно спросил Охрим.

— Почему мне, нам ты хочешь сказать?— И примирительно: — Доверять доверяют, но и проверять не забывают.

— Так уж,— не согласился Охрим,— после того, что мы натворили, в обратную хода нет. Тянуть лямку до конца! Обидно, что не доверяют... Выходит, никто нас за порядочных не считает. Свои, городские, тоже отворачиваются. Того и смотри пулю всадят из-за угла.

Охрим тяжело опустился в кресло.

— Не нужно раньше времени себя хоронить, племянничек,— успокаивал Раздоркин, по-отечески хлопая Охрима по плечу.— У меня от тебя секретов никаких. Сам знаю, что наши отвернулись. Хрен с ними. Нам нужно твердую линию держать на новый порядок. Вот проведем массовые аресты выявленных коммунистов, разных там активистов, найдем и обезвредим семьи партизан, тогда поверят немцы. Ей-ей, поверят. Они хоть и немцы, а все норовят делать нашими руками.

Благодаря заботам Охрима и покровительству Раздоркина Петренко получил хорошую квартиру. Обставил ее дорогой мебелью, стены завесил картинами. Грабить ездил сам.

Арестовывал и допрашивал, сам участвовал в арестах и обысках, ходил в засады и на облавы. Участвовать в карательных операциях против партизан стало его страстью.

Большинство арестованных отказывалось отвечать на вопросы Петренко. Он избивал их. Бил страшно. С особой изощренностью он издевался над партизанами, когда их удавалось захватить живыми. Как правило, в руки гестапо и полиции попадались только раненые. Петренко не имел себе равных в пытках.

Связному партизану двадцатилетнему Витьке он приказал сыпать на раны соль. Несколько суток кормили его селедкой, не давая ни глотка воды.

Потеряв надежду «проверенными» приемами добиться показаний у Витьки, Петренко объявил, что приступает к «генеральному допросу». Он заготовил резиновую дубинку, через которую пропустил металлический стержень большого диаметра.

— Не дает показаний добровольно,— цинично заявил Петренко,— буду выколачивать их.

Петренко распорядился, чтобы арестованного доставили к нему со связанными руками. Виктор вошел и остановился перед Петренко, слегка расставив ноги, чуть-чуть выбросив вперед левую. У предателя забегали по спине мурашки. Ему показалось, что перед ним стоит богатырь, которому стоит сказать заветное, только ему известное слово, и с завязанными руками будет стоять он, Петренко, а Витька будет допрашивать.

Петренко встряхнул головой и в страхе прошептал:

— Фу ты, сгинь, наваждение.

А затем для верности несколько раз полоснул парня дубинкой по спине. Тот стиснул зубы, не проронил ни слова.

Петренко потребовал, чтобы Витька сообщил известные ему явки и пароли.

— Ни явок, ни паролей не знаю,— отчеканил Витька.

— Рисуешься, стервец! В героя играешь?— процедил Петренко.

Он бил и бил парня дубинкой, потеряв счет ударам. Бил по голове, по спине, по лицу, приговаривая:

— Или дашь показания, или подохнешь, как собака! Тут же, у моих ног.

— Не дам и не подохну...

Слух о жестокостях следователя Петренко распространился по всему городу.

Гестаповцы ставили в пример Петренко, баловали подачками. Почувствовав поддержку, Петренко сочинил бумажку, которую назвал «О мерах борьбы с партизанами и подрывными элементами в городе». В ней он обвинял Раздоркина в бездействии, заигрывании с населением, излагал подробный план проведения массовых арестов и ликвидации коммунистов, комсомольцев и ближайших родственников партизан. Добился приема у начальника гестапо Отто Кранца и лично ему передал состряпанный документ.

План понравился Кранцу. Начальник гестапо распорядился отстранить Раздоркина от должности начальника полиции и назначил вместо него Петренко. В приказе по этому поводу говорилось: «Обстановка потребовала от городских властей назначения на пост начальника полиции человека, фанатически преданного новому порядку и фюреру».

Охрима вызвали в гестапо утром. По специальному пропуску он прошел в кабинет старшего офицера гестапо Шмидта.

— Курите! — Шмидт протянул сигареты Охриму. Закурил сам. Глубокая затяжка успокоила Охрима. Шел в гестапо — волновался, не знал, зачем вызвали, как примут, что скажут.

Шмидт объявил:

— Охрим, я желаю послушать твою биографию.

Охрим понимал, что в гестапо всем могут поинтересоваться, поэтому был готов и биографию свою пересказать.

— Она у меня небольшая,— начал не спеша.— Рос в семье колхозника. За хищение колхозного зерна отсидел три года, а когда вышел на волю, уклонился от призыва в армию. За работу в полиции награжден медалью Женат на дочке священника. Вот, пожалуй, и все.

— Ты, оказывается, вор, Охрим!— с укоризной бросил Шмидт.

— Да как вам сказать. По суду — вор, а по справедливости нет. Три мешка зерна я ведь не от соседа унес, а из колхозного амбара. Ежели считать, что в колхозе все мы хозяева... Были,— поправился Охрим.— Помолчав, добавил:— Так какой же я вор?

Шмидту понравились слова полицейского.

— Хорошая у тебя биография, Охрим.

Шмидт прошелся по кабинету, остановился возле полицая.

— Мы намерены предложить тебе одно дело. Ты согласен помочь нам?

— Помочь всегда, видит бог. Было бы дело по силам.

— К партизанам с нашим поручением пойдешь!

Охрим вздрогнул. Вытер рукавом пот.

— Они же меня на первой осине повесят.

— Струсил?

— Никак нет, господин начальник! Не из трусливых мы. Только висеть на осине не хотелось бы.

— А на перекладине?— строго спросил Шмидт.

— Оно все одно! Хрен редьки не слаще! Только вины за собой, господин начальник, я не чувствую никакой.

Охрим очень волновался и, казалось, поэтому не особенно осторожно подбирал слова.

— Зато мы чувствуем!— отрезал Шмидт.— Кто брал взятки в карман, знаем.

Охрим перекрестился.

— Перед вами как на духу. До взяток был слаб дядюшка мой, Раздоркин. Что касается меня, то, кроме дырок, в моих карманах нет ничего.

Шмидт рассмеялся: то ли ответ понравился ему, то ли он хорошо знал, что Охрим взяток не брал и даже дядю отчитывал не один раз за это.

— Мы знаем тебя, Охрим. Ты человек надежный. Потому и пригласили сегодня... в гестапо. Сам понимаешь, речь идет о большом доверии.

Шмидт уселся поудобнее, готовясь сказать самое главное:

— Придется идти тебе в отряд Млынского... с важным заданием. А чтобы партизаны не повесили на осине, легенду хорошую придумаем. О семье позаботимся, обеспечим. Ну как?

Охрим задумался, затем поерзал на стуле, ответил без особого энтузиазма:

— Наше дело солдатское. Ежели гестапо считает, нужно, значит, оно и нужно, значит, ответ один: согласен.

— Молодец! Ты настоящий полицай, Охрим! — сказал Шмидт.

Ключи от сейфа Охрим передал лично Петренко. Он наверняка знал, что Петренко пороется в его сейфе. Для этого и дал ключи. Пусть роется, пусть смотрит. Охрим специально оставил в сейфе бумаги, которые должен увидеть начальник полиции своими глазами при таких ненавязчивых обстоятельствах. Это всегда дает невероятный эффект...

В назначенное время Охрим явился в гестапо. На всякий случай оделся потеплее: всякое может быть. Возьмут да с ходу направят в лес, к Млынскому. О человеке не подумают эти гестаповцы, в чем придешь к ним, в том и послать могут. Самому о себе заботиться нужно. Тем более сейчас, когда открылась перспектива, когда сдвиги наметились...

Шмидт приветливо встретил Охрима. Набросил на себя штатское пальто, позвонил следователю гестапо Зауеру, сказал, что выходит к машине. «Оппель» долго петлял по городу. Ехали узенькими улочками и переулочками, стараясь объезжать центральные магистрали.

На окраине города машина подкатила к особняку, огороженному прочным кирпичным забором. Въехали во двор. У дома их встретил хромой немец — на вид лет пятидесяти,— провел в гостиную. Охрим заметил: окна плотно закрыты тяжелыми железными ставнями. На шнуре, спускавшемся с потолка,— огромная керосиновая лампа. В общем-то тусклый свет ее хорошо освещал стол, сервированный на три человека. Хрустальный графин — он стоял в самом центре стола — был наполнен прозрачной жидкостью.

Шмидт и Зауер сели за стол, пригласив Охрима. Выпили по первой и сразу же по второй стопке шнапса. Охрим не успел даже как следует закусить, а Шмидт предложил уже выпить по третьей. Разливая шнапс, гестаповец спросил, не говорил ли Охрим кому-либо из родственников или друзей о своей связи с гестапо. А когда Охрим категорически ответил, что не говорил, да еще объяснил, что хорошо знает, что можно, а что нельзя говорить, гестаповцы предложили выпить за удачу и скорое возвращение Охрима. Были и другие тосты. Охрим предложил выпить за здоровье Адольфа Гитлера. Это вызвало одобрение.

— Охрим — настоящий парень,— говорил Шмидт.— Жаль, что в России не много таких. Раз-два — и все. Остальные большевистские фанатики!

Охрим улыбался во весь рот.

После очередной стопки Шмидт достал из портфеля какую-то бумажку и передал Охриму.

— Эту записку вы передадите Млынскому. Нужно будет сказать, что в городской тюрьме работает электриком ваш верный человек. От него вы и получили эту записку.

Шмидт протянул Охриму голубой конверт.

— Тут лежит фотография этого человека, описание примет и подробная биография его. Все это нужно запомнить назубок.

Гестаповец посмотрел на Охрима и, угадав, какой вопрос тот хочет задать, опередил:

— Этот человек действительно работает в тюрьме электриком. Пускай ловят его, где хотят, и проверяют. Осечки не будет. Даже лучше, если вздумают проверить.

Охрим молчал, слушал, стараясь не пропустить ни одного слова, стараясь запомнить все, что говорилось.

— Итак,— продолжал гестаповец,— место, где сейчас находится отряд Млынского, мы сообщим позже, когда уточним его у партизан, захваченных нами в плен.

После очередной небольшой паузы Шмидт стал излагать основной вариант легенды, с которой Охрим должен отправиться к Млынскому.

— Утром мы направим группу арестованных, в их числе и пленных партизан, на разгрузку вагонов, что стоят на пятом километре, недалеко от леса. Работать они будут под охраной двух вооруженных полицейских. В десять часов появитесь вы. Вы, как офицер полиции, отберете у полицейских оружие; передадите его арестованным. Полицейских свяжете, а сами уйдете в лес, к Млынскому. После такого спектакля он примет вас как героя. Свидетелей будет больше чем нужно.

— А ежели полицейские сопротивляться вздумают?— с опаской спросил Охрим.

— Уничтожьте их на глазах арестантов,— не задумываясь, выпалил немец.— Это только укрепит вашу репутацию в глазах Млынского.

— Конечно, но все-таки...

— Сделайте так, как говорят вам,— перебил Охрима гестаповец.— Два трупа для такой операции — это пустяк, о котором не следует думать.

Шмидт достал из портфеля и передал Охриму пачку документов: копии некоторых приказов начальника городской полиции, список личного состава, несколько малозначительных справок, донесений.

— Их возьмите с собой,— сказал гестаповец и подмигнул Охриму.— Ловко придумано? Собирались удрать в отряд, вот и похитили документы.

Опять небольшая пауза.

— Как только станет известно, что вы убежали, Петренко поднимет полицию на ноги, раззвонит во все колокола, что Охрим Шмиль украл секретные документы и скрылся. Полицейские и солдаты СС немедленно приступят к проческе города в поисках опасного преступника. После всего этого партизаны поверят вам или не поверят? Я спрашиваю!

— Оно, конечно, должны поверить,— сказал Охрим и неожиданно:— А если нет?

— Это уже от вас зависит! Легенда весьма надежна...

Вмешался Зауер:

— Вести себя нужно так, чтобы поверили.

— Неправильно поведете себя — повесят!— улыбаясь, добавил Шмидт.— Что ни говорите, а для них вы провокатор. Таких они сразу к стенке.

Вновь налили шнапса. Выпили. Гестаповцы поочередно давали советы Охриму, как следует держать себя в критические минуты, что нужно говорить, когда станут проверять.

А когда инструктаж закончился, Шмидт официально произнес:

— Мы надеемся, что задание вы выполните хорошо.

— Постараюсь,— без особого энтузиазма буркнул Охрим, подчеркивая этим, что идет на большой риск.

Шмидт колючим взглядом оглядел с ног до головы Охрима, предупредил:

— Только не вздумай изменить нам. У нас руки длинные, везде достанем.

— У нас имеются хорошие заложники,— заметил Зауер.— Его жена, дети.

— Я буду верно служить фюреру!— по-военному отчеканил Охрим.

Утром Охрима разбудил хромой немец, вручил автомат, посадил в «оппель» и отвез в район пятого километра. Высадил недалеко от разъезда, у платформы, где стояли вагоны, груженные дровами и кругляком.

Охрим подошел к полицейским, охранявшим группу работавших на разгрузке людей. Он узнал их, Ивана Степурко и Якова Стукача. Даже полицаи называли их «немецкими овчарками» за их кровавые дела.

Охрим показал документ, сказал, что лично должен проверить исправность оружия. Иван и Яков окрысились.

— Оружия из своих рук не выпустим,— заявили они.— Пойдешь силой, стрелять будем.

Охрим взял на прицел Степурко и Стукача, нажал на гашетку. И к людям:

— Собакам собачья смерть, браточки! Берите винтовки, пошли в лес. Я с вами!

Продолжение следует.

СЧАСТЬЕ МАШИ ЛОЗЫ

Известная ленинградская писательница Елена Серебровская много лет работала над трилогией «Маша Лоза», в которую вошли повести «Начало жизни», «Весенний шум», «Братья с тобой». О чем же книга? «Не в стороне, не мимо шагает история, она задевает твою жизнь, пересекает ее во всех направлениях, управляет ею. Она лепит из тебя человека, как ты сама лепишь из комка серой глины гусей-лебедей. Немало пинков и шлепков получит рыхлая глина, пока станет тем, чем ей надо бы стать. Как же ты, жизнь, интересна и хороша! Как сладко и радостно становиться из несмышленыша человеком, узнавать, узнавать, узнавать и наконец творить, строить вот этими, своими руками!» В этих словах — ключ к пониманию трилогии, которая посвящена рассказу о судьбе Маши Лозы — девочки, девушки, матери, преподавательницы педагогического института.

Если взять внешнюю канву биографии, то трудно назвать жизнь Маши Лозы счастливой. Сызмальства испытала она голод и холод, видела много несправедливости. Наладилась жизнь — и тут началась война. В блокадном Ленинграде умирает отец, где-то под Сталинградом смертью храбрых погибает брат Севка, талантливый геолог. С фронта возвращается муж — без обеих ног, без руки. Согласитесь, столько испытаний за тридцать лет! И все-таки вопреки, казалось бы, невосполнимым потерям Маша по-своему счастлива. Счастлива потому, что выстояла, победила — победила в тяжелые времена. Что же давало ей силы?

Детство Маши прошло на Украине. Потом семья переехала в Ленинград. На всю жизнь запали ей слова старого рабочего дяди Пали: «В Ленин-граде живете, в его городе...» Имя Ленина, идеалы Ленина стали для Маши путеводной звездой на всю жизнь.

Первый Машин муж — немецкий антифашист Курт — учил ее быть честной, принципиальной. И когда она вышла за Курта замуж, то больше всего думала над тем: готова ли она к той жизни, которую избрала, став его женой. Она все больше тревожилась за судьбу той страны, откуда приехал ее муж, откуда изредка приходили страшные вести.

Очень выразительна сцена, когда муж принес ей подарок:

«— Я не надену,— ответила Маша, с восхищением глядя на красивые вещи.

— Почему? Разве не нравится?

— Это не может не нравиться,— сказала она, усмехнувшись. — Но стыдно мне носить вещи, которых пока еще ни у кого почти нет. У нас сейчас не хватает этого у всех, но мы сознательно так делаем. Наши средства идут на иное... А чем я лучше других? Я не надену».

В этом — вся Маша, типичная комсомолка 30-х годов. Такие, как она, строили социализм, такие, как Маша, в огненные годы войны ковали победу, где бы ни сражались — на фронте или в тылу.

Да, конечно, судьба Маши Лозы сложилась трудно. И все же глубокий и поучительный смысл ее звучит оптимистически: «Оглянись назад, на эти горькие военные годы,— сколько же было переделано дел! И ты не была в стороне, и ты под общую ношу подставила свое плечо. В самом деле, неужто ты так долго жила недосыпая, недоедая? Работала за троих? Изворачивалась, чтобы накормить детей? Если вычеркнуть это, не поймешь всей тяжести материнской судьбы в годы войны! Знала ли ты в сорок первом, что и сама ты — герой? Так жили многие, почти все. Но ведь это и доказывает, что народ твой — народ героев. Все может народ, когда понимает — зачем».

Ф. ХУДЯКОВ

Елена Серебровская. Маша Лоза. Лениздат, 1970.

ОХ, УЖ ЭТИ МУЖЧИНЫ!

Б. ПРОТОПОПОВ

Женское сердце значительно мягче мужского...
Из газет.

Кассир Мадаполамов и счетоводы Сандунов, Тройский и Карандашов, сбившись в уголок, во время работы говорили о женщине.

— Ведьма-то она ведьма,— толковал Тройский, держа Карандашова за пуговицу и косясь на дверь с табличкой «Главный бухгалтер А. И. Семенцова».— Но ведь мы мужчины, не забывай... Мужчина всегда благороден!

— Докажем, что мы не вахлаки какие-нибудь,— поддержал Мадаполамов.

— А по скольку надо-то?— спросил Сандунов.

— По пятерке, я думаю. Как вы? — Мадаполамов обвел всех глазами и задержал взгляд на Сандунове, который вдруг заскучал.— Перестань, Сандунов, я же знаю, что у тебя есть пять рублей подкожных... Между прочим, если уж на совесть: когда ты расход занес в графу «остаток»... А, вспомнил... Покричала, и все, а ведь могла и выговор влепить!

— Пятерка на другое дело предназначена!

— Знаем, на какое «дело»... Позор, Сандунов!

— Давай не валяй дурака,— вступил в разговор Карандашов.— Мужчины мы или не мужчины?

Сандунов безнадежно махнул рукой и отдал деньги.

Заговорщики перемигнулись и вышли на улицу.

— Ну, ребята,— сказал Мадаполамов,— Аделаида с моим отчетом еще часа два просидит. За это время надо все оформить. Есть предложения?

— Пылесос,— воскликнул наивный Карандашов.

— Пылесос не пылесос, а хорошенькую кастрюльку купить можно. Как считаете?

— Вы удивляете меня, Мадаполамов,— пожал плечами Тройский.— Пылесос... Кастрюля...

— А я считаю,— начал Сандунов,— взять бутылку...

— ...шампанского! — перебил его пылкий Тройский.— Товарищи, я за предложение Сандунова!

— Тогда уж и цветы...— сказал Мадаполамов.

— Я — за,— поднял руку Карандашов.— Это действительно лучше.

Шампанское друзья приобрели быстро: как и коньяк, оно всюду было в изобилии.

Потом отправились за цветами.

— Как красиво, как благородно! — восклицал дорогой Тройский.— Входим в кабинет и говорим: «Дорогая Аделаида Ивановна! В знак нашей любви и уважения... В этот день... Примите...» Сандунов преподносит шампанское, а я — букет... Этакую охапку пунцовых роз...

— А почему это ты охапку? — ревниво спросил Карандашов.

— Ну, пусть ты,— беззаботно отвечал Тройский,— а я скажу: «Дорогая...»

— Хватит уж, слыхали...— проворчал Сандунов.

— Гляжу я на вас, товарищи,— растрогался Мадаполамов,— и так тепло становится на сердце... Даже лица у вас другие. И доброта и чувства на физиономиях! Вон и Сандунов какой-то одухотворенный...

— Шерше ля фамм,— непонятно сказал Тройский.

— А вот и то, что нам нужно! — вдруг воскликнул Карандашов, устремляясь к смуглому чернобровому гражданину в кепке фасона «вертолет».— Забираю все!

— Возьми, пожалуйста, дорогой,— радостно сказал чернобровый, протягивая ему охапку тюльпанов,— неси своей любимой. Лучший подарок!

— Сколько? — деловито спросил Мадаполамов, опуская руку в карман.

Когда смуглый гражданин назвал цену, наступила неловкая пауза.

— А почему цветы? — бодро сказал Тройский.— А если этакую легкую косыночку... какое-нибудь восточное сюзане?!

— Сюзане — это имя,— сказал образованный Мадаполамов.— «Сюзане ты моя, Сюзане...» Да и не будет Аделаида косынку носить: года ее не те...

— А может, все-таки кастрюльку? — сказал Карандашов.

— Нет, нет, только не это,— запротестовал Тройский.— Но что же это мы остановились посреди улицы? Зайдем хоть в метро, что ли?

— Это зачем в метро?— страшно удивился Сандунов.— Вот же шашлычная!

Шашлычная действительно оказалась рядом.

— ...Значит, так: косынка и кастрюлька решительно отметаются,— начал Мадаполамов, когда они уселись за столик.— Сандунов, прекрати делать гнусные знаки официанту!.. Тогда, может быть, перчатки?

— Есть отличные наборы,— сказал Тройский.— Духи, перчатки и еще что-то...

— Мадаполамов, он опять гнусные знаки! — сказал Карандашов.

— Прекрати, Сандунов... Значит, перчатки и духи. Возражений нет?

— Нету, нету,— сказал Сандунов, разливая появившуюся на столе бутылку.

— А может, отрез на платье, какой-нибудь крепдешин? — спросил Карандашов.

— Шубу еще, котик под кролик! — возмутился Тройский.— Надо же исходить из реальных ресурсов.

— Мм-да, ресурсов, конечно, маловато... А это что еще такое? — удивился Карандашов, увидев налитую рюмку.— Зачем это?.. Да. Так отрез? — озабоченно переспросил он и совершенно машинально выпил.

Глядя на него, так же машинально выпили и остальные.

— А не хватит — Сандунов добавит, у него еще подкожные есть! — продолжал Карандашов.

— Под своей кожей считай,— заметил Сандунов, наливая по второй.

Через полчаса договорились, что ни перчаток, ни духов, а тем более отреза на платье покупать не надо.

— Разве в подарке дело?! — горячо говорил Тройский.— Женщина что ценит? Благородство. Не подарок, а желание подарить, желание... готовность — вот что для нее главное!

— Святые слова, святые слова,— сказал Сандунов, делая знаки официанту.

— Вот, даже Сандунов понял... Сандунов значительно тоньше, чем мы считаем, товарищи. Можно поцеловать тебя, Сандунов?

— Поцелуй,— сказал Сандунов.— Это ничего...

— При чем здесь поцелуи? — горько сказал Мадаполамов.— Не чтим мы женщину... В светлые даже мгновения что говорим мы ей? Ну, «люблю», «ты моя кошечка»... А возьмите Восток, какую-нибудь Аравию: «О кипарис на лужайке красоты, о фазан в домике совершенства!» Вот как там разговаривают с женщиной! Ты, Сандунов, говорил когда-нибудь так любимой?

— И не скажу,— сказал Сандунов.— Хулиганство какое!

— За женщин! — вскочил Тройский.— Официант, шампанского!

— Не кричи,— сказал Мадаполамов, придерживая его за рукав,— нету на шампанское... И ни на что нету. Все, братцы!

— Неправильно, неправильно говоришь! — запротестовал Сандунов и вынул из-под стола подарочную бутылку с серебряным горлышком...

Когда друзья вышли из шашлычной, уже вечерело.

— Свиньи мы все-таки,— сказал вдруг Мадаполамов.

— Это уж точно! — согласился Сандунов.

— Вот, даже Сандунов понимает... Нет, ребята, вы как хотите, а я пойду и поздравлю. Честно скажу: хотели. Горячо желали. Но... Не вышло!

— Ты ей про фазана скажи,— посоветовал Сандунов.

— Про какого еще фазана? — рассердился Мадаполамов.

— Ну, про того, в домике...

— Шутки в сторону,— решительно произнес Тройский.— Я иду с тобой, Мадаполамов. Пусть накричит, пусть прогонит, все равно мне легче будет.

— И я пойду,— сказал Карандашов.

— Зачем идти? — удивился Сандунов.— Телефонная будка-то вот она! Кричать начнет — рычаг нажал, и все!

Мадаполамов подумал и пошел звонить.

— Дорогая Аделаида Ивановна,— сказал он, когда на другом конце провода подняли трубку.— Вот мы стоим здесь — Карандашов, Тройский, Сандунов и я... Стоим и, значит, желаем вам в знаменательный день вашего рождения...— Мадаполамов запнулся и с ужасом понял, что все заготовленные слова вылетели из головы.

В трубке выжидательно молчали.

— ...и мы говорили о том,— вдруг очертя голову понес Мадаполамов,— какая вы были красивая в своем желтом платье... И прическа у вас что надо! — добавил он совсем уж хамским голосом.

Затем, окончательно растерявшись, повесил трубку.

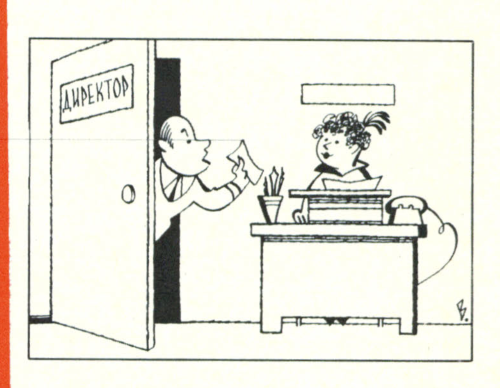
— Ты с ума сошел! — воскликнул Карандашов, всплеснув руками.— Как еще действительно про фазана не сказал... Все испортил!

— Ну и говорил бы сам! — огрызнулся Мадаполамов.

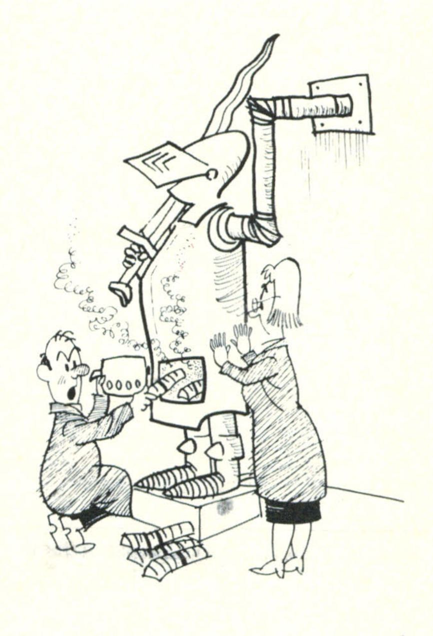
Друзья мрачно простились и разошлись по домам.

А Аделаида Ивановна, рассеянно крутя арифмометр, долго еще держала телефонную трубку в потеплевшей ладони и, прислушиваясь к коротким гудкам, длинно и нежно улыбалась. Потом достала зеркальце и чуть-чуть освежила губы.

— Ох, уж эти мужчины! — прошептала она.

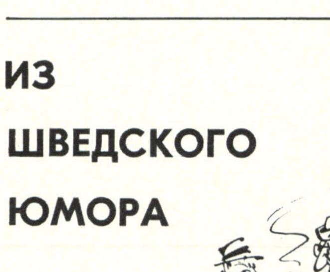
— Зоечка, сбегайте за цветами, я их вам торжественно вручу...

— Когда же наконец у нас в музее исправят отопление?

Рисунок Б. Боссарта.

ИЗ ШВЕДСКОГО ЮМОРА

БОЛЬШИЕ ОЖИДАНИЯ

— Мы женаты только неделю, а ты уже начал меня ругать.

— Да, но ты не забывай, что я дожидался этого два года!

ПЕРВАЯ СТАДИЯ

— Послушай, старина, угости сигареткой!

— А я думал, ты бросил курить.

— Я на первой стадии: бросил покупать.

НИЧЕГО СЕРЬЕЗНОГО

— Отчего умер ваш супруг, фру Янссон?

— Я запамятовала название болезни. Во всяком случае, ничего серьезного у него не было.

ДОБРЫЙ СОВЕТ

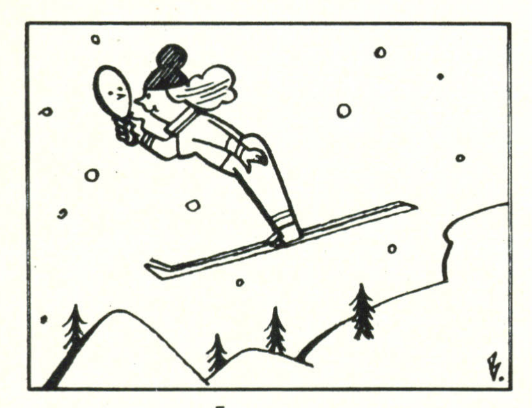
— Если вам трудно воспитывать своих детей, то представьте себе, что это не ваши дети. А ведь все отлично знают, как следует воспитывать чужих детей.

Перевел со шведского Г. Федосеев.

КРОССВОРД

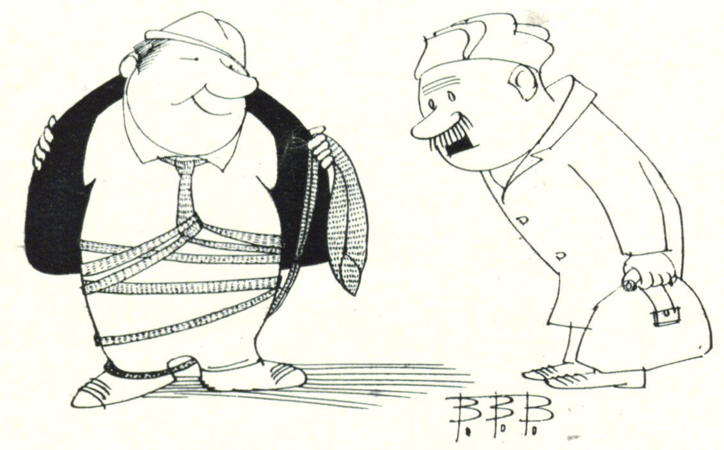
По горизонтали: 7. Стихотворение Н. А. Некрасова. 8. Наука о строении живого организма. 9. Путевая машина. 12. Советский физик, академик. 13. Медленный темп в музыке. 14. Литературный жанр. 16. Полудрагоценный камень. 17. Автор балета «Жизель». 18. Горная порода, богатая кремнеземом. 19. Повесть А. И. Куприна. 20. Дерево семейства кленовых. 22. Решето с частой сеткой. 24. Архитектор, создавший ряд монументальных ансамблей в Петербурге. 27. Специалист, готовящий спортсменов к соревнованиям. 29. Занавеси со складками. 30. Ягода. 31. Советский писатель. 32. Парфюмерное изделие.

По вертикали: 1. Аппарат для дыхания под водой. 2. Река в Сибири. 3. Окраина села. 4. Искусственный водоем. 5. Опера П. И. Чайковского. 6. Раздел теоретической механики. 10. Занимательная игра. 11. Союзная республика. 14. Нотный знак. 15. Изобретатель электродвигателя. 21. Главный порт Мексики. 23. Опера Дж. Пуччини. 25. Город в Чехословакии. 26. Спортивное сооружение. 28. Музыкально-поэтическое произведение. 29. Приток Вислы.

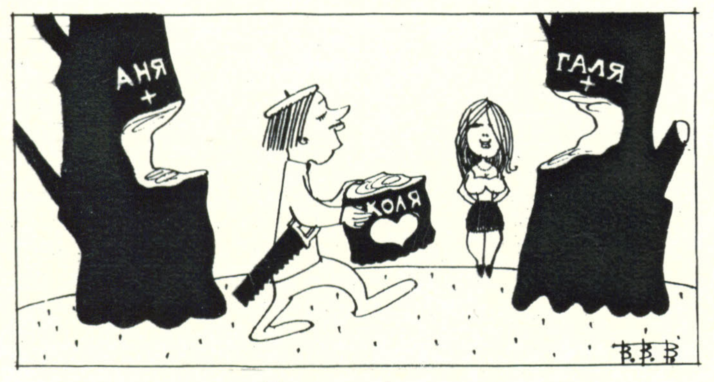

Без слов.

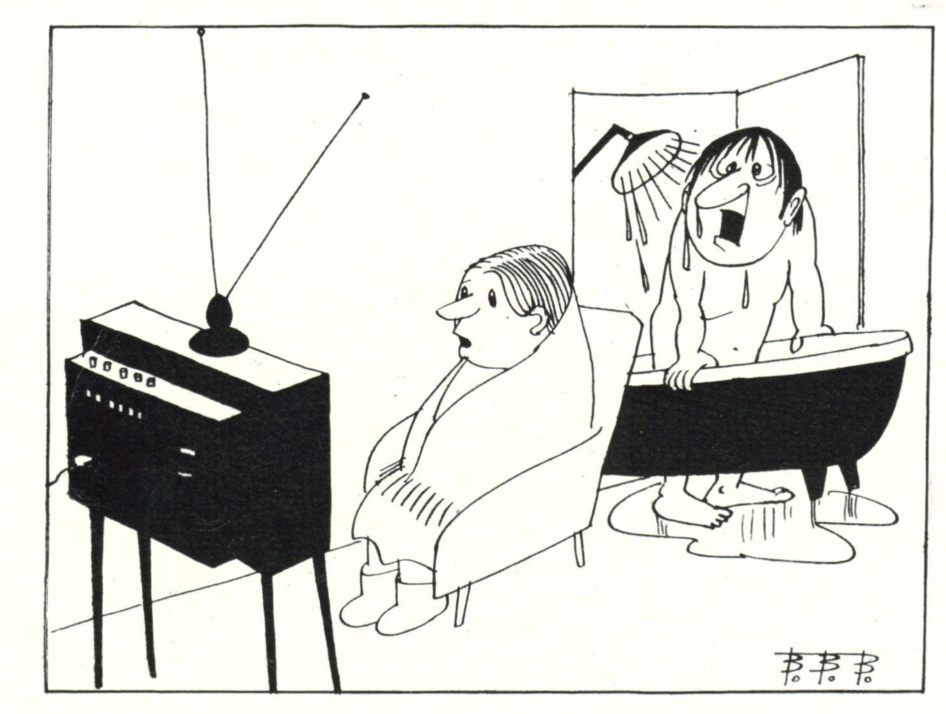
Рисунки М. Вайсборда.

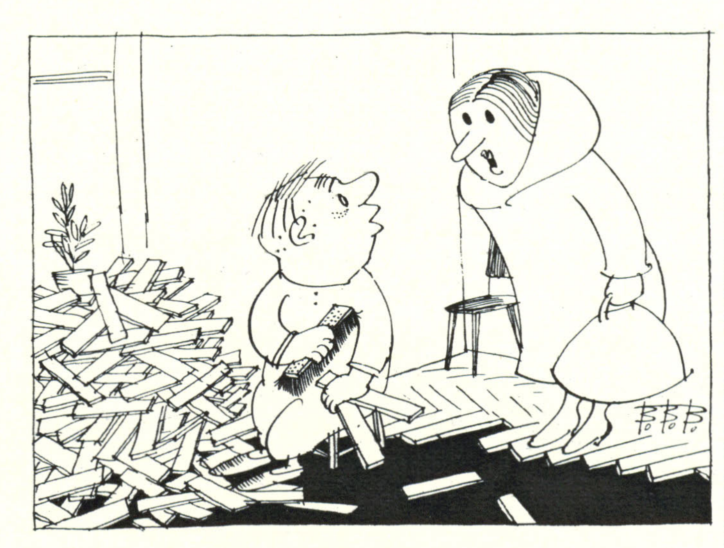
— Вязала мне этот галстук жена во время многосерийного фильма.

Пересадка сердца.

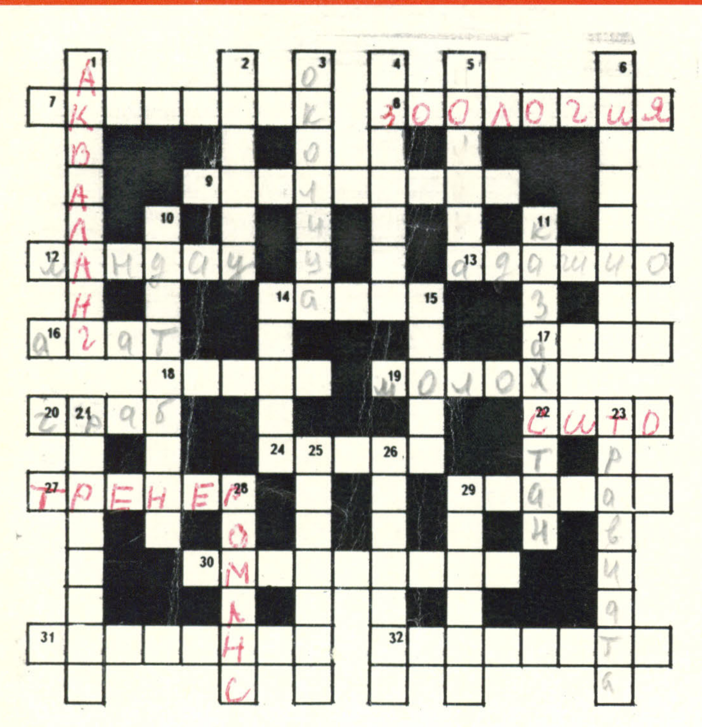

— Шайба?

— Ты сама сказала — натирать каждую дощечку отдельно.

Рисунки В. Воеводина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 5. Филателия. 6. Брутто. 7. Мениск. 10. Планета. 11. Конотоп. 13. Калан. 15. Каркунов. 17. Феодосия. 18. Беллинсгаузен. 21. Веракрус. 22. Аристарх. 23. Аванс. 26. Реостат. 28. Егорлык. 29. Боткин. 30. Турнир. 31. Акватория.

По вертикали: 1. Кибитка. 2. Валторна. 3. Керамика. 4. Рисунок. 8. Байка. 9. Ствол. 10. Планиметр. 12. Плимутрок. 14. Лексика. 16. Вальс. 17. Фауна. 19. Мажор. 20. Сталь. 24. Вернисаж. 25. Нестеров. 27. Тактика. 28. Европий.

●

На первой странице обложки: Комсомолка Лида Коростелева — сборщица Московского часового завода № 1, ударник коммунистического труда.

На последней странице обложки: Мотогонки на льду. Первенство СССР в Москве.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 16/II-71 г. А 00237. Подп. к печ. 2/III-71 г. Формат бумаги 70 × 108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 214. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 411.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.